

32131.

КОДИФИКАЦИОННЫЕ ЗАМЫСЛЫ ВЪ 1830 И 1840 ГОДАХЪ.

О КОДИФИКАЦИИ ФИНЛЯНДСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

~~40798~~

ДОКЛАДЪ, ПРОЧИТАННЫЙ ПРОФЕССОРОМЪ

Э. Г. Пальменомъ

на состоявшемся въ 1914 году собраніи изслѣдователей и преподавателей исторіи

(Historiallinen Aikakauskirja № 1—1914 года).

Переводъ съ финскаго **В. С. Баранова**, съ его примѣчаніями.

Съ приложеніемъ выдержки изъ брошюры **Н. Корево** и статей **М. М. Бородкина**.

ПЕТРОГРАДЪ
Государственная Типографія
1914.

32131

КОДИФИКАЦІОННІЕ ЗАМЫСЛЫ ВЪ 1830 И 1840 ГОДАХЪ.

О КОДИФИКАЦІИ ФИНЛЯНДСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

~~4078.~~

ДОКЛАДЪ, ПРОЧИТАННЫЙ ПРОФЕССОРОМЪ

Э. Г. Пальменомъ

на состоявшемся въ 1914 году собраніи изслѣдователей и преподавателей исторіи

(Historiallinen Aikakauskirja № 1—1914 года).

Переводъ съ финскаго В. С. Баранова, съ его примѣчаніями.

Съ приложеніемъ выдержки изъ брошюры Н. Корево и статей М. М. Бородкина.

ПЕТРОГРАДЪ
Государственная Типографія
1914.

K

70735

Кодификаціонные замыслы въ 1830 и 1840 годахъ.

Докладъ, прочитанный профессоромъ Э. Г. Пальменомъ на состоявшемся въ 1914 году собраніи изслѣдователей и преподавателей исторіи.

(Historiallinen Aikakauskirja № 1—1914 года).

Желая сообщить нѣкоторыя ранѣе неизвѣстныя у насъ данныя о борьбѣ, которая шесть—семь десятилѣтій тому назадъ велась въ защиту пятисотлѣтняго законодательнаго права нашего народа, прошу Васъ удѣлить мнѣ нѣсколько вниманія. Хотя борьба въ то время велась совершенно инымъ образомъ, нежели теперь, и большое общество не имѣло о ней никакихъ свѣдѣній, но она представляетъ интересныя точки сравненія съ борьбою въ болѣе позднее время, которая также относится къ важнымъ областямъ самостоятельной жизни нашего народа.

Наилучшій фонъ для грандіозной дальновидности Александра I получается при ея сравненіи съ тѣмъ, что думалъ о нуждахъ и будущности своего отечества наиболѣе выдающійся и, быть можетъ, наиболѣе освѣдомленный въ политическихъ дѣлахъ мыслитель среди тогдашнихъ русскихъ либераловъ, казненный въ 1826 году чрезъ повѣшеніе, главарь извѣстныхъ декабристовъ Пестель. Его программа считается болѣе прогрессивною и демократическою, чѣмъ какія либо другія программы въ тогдашней Россіи. Нѣмецъ по происхожденію, выросшій и воспитывавшійся въ Германіи, Пестель просвѣщеннымъ умомъ оцѣнивалъ великую революцію въ такое время, когда ея порицаніе уже стояло на очереди. Но къ существованію мелкихъ народностей этотъ человекъ не отнесся благосклонно. По его мнѣнію, вся Россія, за исключеніемъ одной Польши, должна была быть совершенно объединена. Этому, по его мнѣнію, не должны были препятствовать никакія обязательства или другія точки зрѣнія. Программа обрусенія должна была проводиться

столь безпощадно, что Пестель не дѣлалъ никакого исключенія даже по отношенію къ нѣмцамъ въ государствѣ. На судьбу финскаго народа онъ обращалъ тѣмъ менѣе вниманія, находя, что слѣдовало бы даже запретить употребленіе названій болѣе малочисленныхъ народовъ ¹⁾. Во имя руссификаціи какъ отдѣльныя національности, такъ и общественныя установленія должны были быть объединяемы по всему государству. Между провозглашеннымъ въ качествѣ деспота Монархомъ и поборникомъ свободы существовало самое рѣзкое разногласіе, но, съ точки зрѣнія культуры и условій развитія, сторонникъ либерализма являлся представителемъ угнетенія, а Монархъ представителемъ свободы.

Когда Александръ I пожелалъ сохранить для финскаго народа наилучшее изъ созданнаго предыдущимъ временемъ, онъ обратилъ первымъ долгомъ вниманіе на дорогое сокровище: древнее законодательство страны. Распространеніе на Финляндію господствовавшихъ въ Россіи порядковъ въ этой области явилось бы непоправимымъ вредомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Финляндія, правда, нуждалась въ реформахъ, ибо ея законодательство было въ различныхъ отношеніяхъ устарѣлымъ и страдало недостатками. Перевороты Густава III и составленные въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ основные законы создали путаницу, которая еще болѣе увеличилась при его преемникахъ. Затѣмъ завоеваніе

¹⁾ Предоставляемая Финляндіи уже съ самаго присоединенія ея къ Россійской Имперіи льготы и преимущества вызывали неудовольствіе даже такихъ либерально-настроенныхъ русскихъ людей, какимъ былъ глава партіи декабристовъ, казненный 13 іюля 1826 г. полковникъ Вятскаго полка Пестель. Отмѣчая «картину народнаго неблагоденствія», послѣдній въ числѣ другихъ возмущавшихъ его порядковъ Александровскаго царствованія отмѣчалъ «преимущества разныхъ присоединенныхъ областей»,—т. е. Финляндіи и Польши; эти преимущества, по его словамъ, съ одной стороны возбуждали чувство обиды въ русскихъ людяхъ, а съ другой—заставляли ихъ ожидать политической свободы и для Россіи. Это обстоятельство, по мнѣнію Пестеля, могло послужить однимъ изъ поводовъ къ революціи. «Финляндія, писалъ онъ, не только должна быть лишена привилегированнаго положенія *status in statu*, дарованнаго ей Александромъ I, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями».

(«Русскій біографическій словарь». Спб., 1912 г. «Пестель», стр. 601 и 602).

нашей страны увеличило неясность, создавая большіе пробѣлы въ постановленіяхъ, которыя были Монархами безспорно утверждены. Совершенно ясно, что въ теченіе общей реакціи, послѣдовавшей за сверженіемъ Наполеона, нельзя было заняться устраненіемъ этихъ недостатковъ. Въ то время даже большіе народы довольствовались застоємъ и не были въ состояніи воспрепятствовать реакціи. Положеніе Финляндіи въ области гражданскаго и уголовнаго права хотя и было лучше, чѣмъ въ отношеніи основныхъ законовъ, но нуждалось также въ реформахъ. Обезпеченными оставались жизнь, имущество и дѣятельность гражданина, хотя и были нѣкоторыя вызванныя политическимъ преслѣдованіемъ исключенія; въ отношеніи цѣлесообразности эта область законодательства оставляла желать многого, какъ это доказывало обновленіе въ то-же время законодательства въ Швеціи. Уложеніе 1734 года, которое въ отношеніи полноты и ясности не имѣло себѣ подобнаго, было въ сущности по своему содержанію скорѣе выработаннымъ на основаніи старыхъ законоположеній сводомъ, нежели выраженіемъ высшаго правосознанія. Будучи въ употребленіи въ теченіе двухъ поколѣній, это Уложеніе еще яснѣе обнаруживало свои недостатки. Предпринятыя Густавомъ III и его сыномъ частичныя улучшенія были въ этой области малочисленны, да кромѣ того нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены въ порядкѣ, возбуждающемъ сомнѣнія съ формальной точки зрѣнія. Но, не дѣлая сравненій съ сосѣдними странами, можно было, однако, увѣрять, что эта часть унаслѣдованнаго нашимъ народомъ законодательства впредь до времени составляла наше дражайшее сокровище. Примѣнявшееся лойяльно административное и экономическое законодательство было въ состояніи частично пополнить недостатки, вызванныя отсутствіемъ Сейма ¹⁾.

¹⁾ Какъ извѣстно, въ порядкѣ административнаго законодательства было измѣнено не мало законовъ, прошедшихъ черезъ Риксдагъ. Такъ, напр., въ 1827 году Высочайшимъ манифестомъ была измѣнена Форма Правленія, основной законъ шведскаго государства, въ отношеніи допущенія на службу православныхъ. Такихъ случаевъ было немало. Какъ извѣстно, участіе въ законодательствѣ сейма 1809 года было чисто совѣщательное. Послѣ Акта Соединенія и Безопасности шведскіе короли единолично мѣняли принятые Риксдагомъ законы (См. Н. Корево. Сеймовый Уставъ. Спб. 1913. стр. 310 и др.).

Если принять во вниманіе положеніе, господствовавшее въ то-же время въ области Русскаго законодательства, станетъ особенно яснымъ значеніе національнаго правового порядка, извѣстнаго подъ названіемъ Шведскаго закона, но развивавшагося и у насъ посредствомъ работы многихъ столѣтій. Въ Россіи даже номинально не было какого либо свода узаконеній. Изданные въ теченіе столѣтій въ количествѣ приблизительно 70.000 Высочайшіе указы, которые по своему содержанию нерѣдко противорѣчили другъ другу и были основаны на произволѣ, да кромѣ того нерѣдко подложные ¹⁾, «in casu» замѣняли законъ. Всѣ попытки къ созданію свода законовъ оставались въ теченіе поколѣній бесплодными.

Но *это благоприятное для Финляндіи положеніе измѣнилось* ²⁾. Мы не были въ состояніи подвинуться впередъ, а въ Россіи была осуществлена реформа. Еще Калоніусъ указывалъ на изданіе новаго и улучшеннаго изданія сборника законовъ 1807 года, но такъ какъ образованной для этой цѣли Коммиссіи не было предоставлено въ ея свободное распоряженіе достаточно силъ, то дѣло затянулось ³⁾. Въ Россіи же неотложная необходимость, желѣзная воля Императора Николая и неподобная энергія Сперанскаго привели къ созданію того, чего въ теченіе столѣтій тщетно ждали, а именно: въ дополненіе къ полному собранію законовъ было въ 1832 г. окончено составленіе Полнаго свода Законовъ, который, съ 1835 года, былъ утвержденъ для руководства. Монархъ и Его совѣтники могли послѣ этого думать, что Россія по крайней мѣрѣ въ этой области стала на-

¹⁾ Столь дерзкая характеристика является голословною, и мы въ правѣ требовать отъ автора представленія доказательствъ.

²⁾ Обращаемъ особое вниманіе читателя на это характерное отношеніе къ Россіи и ея интересамъ со стороны старофинскаго профессора, барона Пальмена. Какъ же совмѣстить съ увѣреніями финляндцевъ въ ихъ готовности идти на встрѣчу требованіямъ Россіи указаніе барона, что для Финляндіи благоприятны русскіе безпорядки? Объ отношеніяхъ финляндцевъ къ Россіи и русскимъ см. «Изнанка финляндской культуры»,—Н. Вальтеръ. Спб. 1913.

³⁾ Работа эта затянулась до 1831 года и заставляеть думать, что и финляндцы начала XIX столѣтія, столь прославившіеся своей «лойяльностью», были уже хорошо знакомы съ пассивнымъ сопротивленіемъ. Ихъ принципомъ, по словамъ гр. Армфельда, было: выиграть время—значить выиграть все.

равнѣ съ прогрессивными культурными странами Европы. Безъ сомнѣнія, Императоръ счелъ вполне естественнымъ, чтобы предоставленное коренной Россіи преимущество было распространено и на Польшу, Прибалтійскій Край и Финляндію. По крайней мѣрѣ въ настоящее время неизвѣстно, чтобы графъ Ребиндеръ имѣлъ случай изложить сомнѣнія. Въ то время положеніе этого государственнаго мужа было гораздо болѣе серьезно, нежели могли представить себѣ его соотечественники. Постоянно случавшіяся въ Финляндскомъ Университетѣ недоразумѣнія въ высшей степени раздражали Государя и русскихъ. Поводомъ къ неудовольствію послужилъ также вопросъ о донаціонныхъ имѣніяхъ Выборгской губерніи, хотя критическій моментъ наступилъ только въ 1827 году, когда беспорядки заставили совѣтниковъ Государя настаивать на отдѣленіи всей губерніи отъ Финляндіи якобы для возстановленія порядка. Можно съ увѣренностью добавить, что ни Сперанскій, ни какой либо другой русской, не могли даже подозревать, насколько дѣйствующіе въ Финляндіи законы, хотя и устарѣлые, были выше господствовавшихъ въ Россіи въ то время условій. Забавное доказательство этого невѣжества имѣется еще въ наше время и заслуживаетъ быть приведеннымъ ¹⁾. Генераль Бородкинъ касается этого дѣла въ изданной имъ въ 1908 году Исторіи Финляндіи за время Александра II и пишетъ, что финляндцы, сопротивляясь въ 1840 годахъ новому собранію законовъ по образцу Свода, будто бы желали «остаться безъ систематическаго собранія законовъ, или другими словами сохранить хаосъ въ своемъ законодательствѣ». Этотъ знатокъ Финляндскихъ дѣлъ не ознакомился болѣе основательно съ сущю дѣла. Разъ наивность современнаго писателя можетъ заходить столь далеко, то приходится критиковать менѣе строго русскихъ государственныхъ людей 1830 годовъ, если имъ не удавалось соображать суть вопроса. Изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла можно во всякомъ случаѣ придти къ заключенію, что Императоръ Николай, какъ всегда, желалъ исполнить обѣщаніе: Онъ упустилъ изъ виду, что кодификація стараго права безусловно была бы тождественною съ выработкою

¹⁾ Насколько справедлива эта рѣзкая выходка, выяснено ниже въ приложеніяхъ II и III.

новаго закона. Его русскіе совѣтники навѣрное ни одной минуты не затруднялись признавать личную волю Государя единственнымъ источникомъ всей общественной власти.

Такъ въ 1831 году, по представленію Генераль-губернатора Закревскаго, было постановлено, чтобы прежній занимающійся составленіемъ собранія финляндскихъ законовъ комитетъ, послѣднимъ предсѣдателемъ котораго состоялъ прокуроръ К. І. Валленъ, былъ закрытъ, а 10 Іюня 1835 года на имя Генераль-губернатора былъ данъ Указъ, въ которомъ было высказано предположеніе, что изданныя въ различныя времена постановленія безъ всякаго сомнѣнія должны привести къ затрудненіямъ и неправильностямъ при разсмотрѣніи финляндскихъ дѣлъ, разъ эти постановленія не систематизированы въ упорядоченномъ видѣ свода. Поэтому слѣдовало бы таковой сводъ выработать и объявить по надлежащемъ разсмотрѣніи къ руководству. Хотя и не было сказано, что предполагалось обойти законное народное представительство Финляндіи, но совершенно ясно, что Верховною властью не была принята во вниманіе необходимость содѣйствія земскихъ чиновъ ¹⁾).

Какимъ образомъ руководство всею этою работою было ввѣрено русскимъ властямъ ²⁾), видно уже изъ того, что Сперанскому былъ порученъ высшій надзоръ за кодификаціей финляндскихъ законовъ. Когда же онъ вскорѣ послѣ того скончался, то эта задача была поручена графу Дмитрію Дашкову, который,

¹⁾ Такъ какъ при кодификаціи существо законовъ не измѣняется, то участіе сейма было излишне. Къ тому же оно, какъ указано выше, было лишь совѣщательнымъ;—во всякомъ случаѣ, въ отношеніи кодификаціи законовъ, изданныхъ въ порядкѣ административнаго (или, что то же, самодержавнаго) законодательства, и сами финляндцы не могутъ не признать, что участіе сейма въ ихъ изданіи, а тѣмъ болѣе въ ихъ кодификаціи, вовсе не обязательно.

²⁾ Данный случай участія русской власти въ законодательствѣ и управленіи Финляндіи вовсе не является такимъ исключительнымъ. Въ книгѣ Н. Корево, «Общее Уложеніе Финляндіи» (Спб. 1912, т. II, прил. I), помѣщенъ рядъ состоявшихся въ Имперскомъ порядкѣ и дѣйствовавшихъ или дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ и постановленій. По этому вопросу см. Берендтсъ, Лекціи по Административному праву Финляндіи. Такихъ случаевъ было немало и задолго до графа Закревскаго, особенно нелюбимаго финляндцами за его стойкую защиту русскихъ интересовъ (См. напр., брошюру «Какъ заставляли финляндцы православныхъ соблюдать лютеранскіе праздники и за неисполненіе штрафовали», Спб. 1910).

судя по русскимъ источникамъ, былъ болѣе самостоятеленъ, нежели обыкновенно бывають достигшія наивысшаго общественнаго положенія лица въ автократическихъ государствахъ. Послѣ его смерти въ его преемники былъ назначенъ русскій Министръ Юстиціи графъ Димитрій Блудовъ, который, очевидно, не стоялъ выше уровня обыкновеннаго ловкаго придворнаго. Лично Императоръ Николай съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ работъ, стараясь ускорить ихъ.

Изъ документовъ Статсъ-Секретаріата и Сената видно, что финляндскія власти были во всемъ этомъ дѣлѣ совершенно страннымъ образомъ обойдены. Со времени Закревскаго это явленіе не было необыкновеннымъ. Неудобные взгляды этого человѣка являются помѣхою для слѣдующихъ поколѣній: опасаясь шпіонства въ собственномъ домѣ, графъ Ребиндеръ сжегъ большое количество полученныхъ имъ писемъ, въ виду чего изъ сохранившихся получались далеко недостаточныя свѣдѣнія какъ объ этихъ, такъ и о другихъ дѣлахъ ¹⁾. Начальникъ канцеляріи Константинъ Фишеръ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ презрѣніемъ о сыскѣ Закревскаго и хвастается тѣмъ, что онъ съ разрѣшенія Князя Меншикова печатывалъ цѣлыя мѣшки добытыхъ такимъ путемъ писемъ. Неизвѣстно, сохранились ли они до нашего времени.

Для прочихъ финляндцевъ затѣя о кодификаціи, кажется, явилась сюрпризомъ. Только одному, указанному выше прокурору, впоследствии барону К. І. Валлену, кажется, было по сему дѣлу оказано Всемилоствѣйшее довѣріе. Это придавало большое значеніе его личности, но оцѣнка трудна. Кажется, не отыскать многихъ государственныхъ людей того времени, которымъ въ такой степени могутъ быть приписываемы противорѣчащія другъ другу черты.

Вообще Валленомъ восхищались въ качествѣ выдающагося представителя Густавіанскаго времени и несравненнаго мецената.

¹⁾ О томъ, что въ дѣлахъ Втораго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи недостаетъ III части дѣла 1835 г. о кодификаціи финляндскихъ законовъ, см. Предисловіе къ Общему Уложенію Финляндіи Н. Корево (стр. XXXV).

Сообщаемое барономъ Пальменомъ свѣдѣніе о сожженіи графомъ Ребиндеромъ писемъ весьма характерно. Можетъ быть, это свѣдѣніе слѣдуетъ сопоставить со словами автора въ началѣ даннаго доклада—объ особомъ способѣ борьбы, принятомъ финляндцами въ началѣ XIX вѣка.

Своею изящною любезностью онъ, кажется, очаровалъ I. В. Снельмана. Сохранившіяся длинныя письма, большинство изъ коихъ написано на французскомъ языкѣ, даютъ представленіе о томъ умѣни, съ которымъ этотъ представитель извѣстнаго и выдающагося финляндскаго рода выступалъ даже въ Петербургскихъ высшихъ кругахъ. Когда Ребиндеръ, въ отчаяніи, былъ готовъ пожертвовать большею частью Выборгской губерніи, дабы избавиться отъ главной части докучливыхъ донаціонныхъ земель¹⁾, Валленъ отстаивалъ противоположное мнѣніе. Точно также онъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ смѣло возражалъ противъ Закревскаго. Но медаль имѣетъ и обратную сторону. По почину Валлена былъ въ 1821 году возбужденъ вопросъ о закрытіи газеты Арвидсона «Morgonbladet». Одновременно цензура у насъ была усилена въ невиданной еще степени. Судя по всему, прокуроръ страны отнесся совершенно равнодушно къ измѣненію свойства донаціонныхъ земель противъ закона и права. Только когда хозяева самымъ грубымъ образомъ стали пользоваться своимъ правомъ, онъ горячо заступился за крестьянъ въ письмахъ Ребиндеру. Въ политическихъ дѣлахъ онъ, однако, былъ готовъ къ уступчивости, хотя политическое положеніе этого и не требовало.

Къ сему надо еще прибавить слабость, которая, правда, была довольно общимъ достояніемъ, но которая Валленомъ была доведена до, навѣрное, невиданной ранѣе въ Финляндіи степени. Интересуясь искусствомъ и науками, онъ никогда не соображался съ тѣмъ, что позволяло его собственное экономическое положеніе, и прибѣгалъ неограниченно къ помощи казны. Въ Маѣ 1820 года онъ получилъ въ даръ 61.179 рублей 92 копѣйки, очевидно, чтобы быть въ состояніи покрыть дефицитъ въ ввѣренныхъ ему средствахъ, которыя онъ, въ бытность Выборгскимъ губернаторомъ, употребилъ для собственныхъ надобностей. Но нѣсколько времени спустя онъ уже пишетъ Ребиндеру убѣдительныя просьбы, выражая

¹⁾ Рѣчь идетъ о земляхъ, дарованныхъ нашими Государями въ Выборгской губерніи русскимъ родовитымъ фамиліямъ, для русской колонизаціи. Финляндцамъ удалось различными путями избавиться отъ русскаго казеннаго и частнаго землевладѣнія и пріобрѣсти указанныя выше земли въ финляндскую казну для колонизаціи финляндцами.

опасенія, что можетъ быть посаженъ въ долговую тюрьму. Государь долженъ-бы помочь «Своему наибѣднѣйшему, но наивѣрнѣйшему слугѣ». Среди изящно составленныхъ французскихъ фразъ проглядываютъ мѣстами неожиданно опасенія, какъ бы не былъ полученъ отвѣтъ на суровомъ шведскомъ языкѣ: «den som musket får vill mer ha» («получающій много желаетъ получить еще»), но эта боязнь, кажется, была напрасна. Долготерпѣливость его друга, Ребиндера, не знала границъ. Вступивъ въ бракъ съ вдовою губернатора К. I. Шернвала, Валленъ добился сохраненія права своей супруги на большую вдовью пенсію. Этимъ преимуществомъ онъ пользовался иногда даже авансомъ на нѣсколько лѣтъ ¹⁾. Когда онъ находился въ безвыходномъ положеніи, собственное жалованье ему было разрѣшено получить авансомъ за десять лѣтъ. Этимъ милости не ограничились. То Валлену удалось продать казнѣ свою библіотеку, то свой домъ въ городѣ, очевидно, на весьма выгодныхъ условіяхъ. Когда ему въ 1835 году было предложено стать финляндскимъ руководителемъ кодификаціонной работы, то съ этимъ порученіемъ было связано вознагражденіе, о размѣрахъ коего не встрѣчается извѣстій ни въ одномъ официальномъ документѣ. Въ штатѣ Коммиссіи законовъ (Lagikommisioni) объ этомъ совершенно не упоминается, но можно полагать, какъ это извѣстно по преданію, что вознагражденіе было такъ же велико, какъ и полученное авансомъ за нѣсколько лѣтъ прокурорское жалованье. Затѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ 32 лѣтъ кромѣ жалованья, присвоеннаго занимаемой имъ должности, которой онъ, однако, весьма мало посвящалъ времени, Валленъ получалъ и это другое вознагражденіе. Ему было предоставлено право единолично рекомендовать къ принятію на службу Коммиссіи помощниковъ и назначать имъ содержаніе.

Было-бы скучно излагать работу и борьбу Коммиссіи съ ревизіоннымъ Комитетомъ. Относительно сего писалось какъ по шведски, такъ и по фински столько, что я не считаю нужнымъ повторять старое ²⁾. Нѣкоторыя большею частью новыя черты, собранныя изъ документовъ Статсъ-Секретаріата и русской литературы, я изложу здѣсь вкратцѣ.

¹⁾ Подобнымъ умѣніемъ и ловкостью отличался не одинъ Валленъ.

²⁾ См. напр. «Ота Маа» III стр. 824—832 (прим. автора).

Коммиссія полагала первоначально руководствоваться системою уложенія 1734 года, но въ виду способа производства и направленія работъ стали затѣмъ руководствоваться русскимъ сводомъ и полученнымъ относительно него опытомъ. Высшій финляндскій блюститель закона не соображалъ, какимъ достоинствомъ обладаетъ развившійся на туземной почвѣ законъ въ сравненіи съ выработаннымъ въ канцеляріяхъ по чужимъ образцамъ ¹⁾. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо отдать справедливость, что при составленіи программы, однако, не забыли предложить включеніе финляндскихъ основныхъ законовъ. Было испрошено утвержденіе русской власти, но отвѣта въ теченіе долгаго времени не поступало. Какъ видно изъ напечатанной извѣстнымъ врагомъ Финляндіи Статсъ-Секретаремъ Н. Н. Корево въ 1907 году книги, графъ Блудовъ уже лѣтомъ 1842 года испросилъ Высочайшее утвержденіе значительнаго измѣненія программы, которое затѣмъ было утаено отъ финляндцевъ. Въ письмахъ и во время посѣщенія Гельсингфорса Блудовъ требовалъ ускоренія работъ. Коммиссіи удалось приготовить еще довольно мало, какъ послѣдовало въ 1841 году Высочайшее повелѣніе о порядкѣ провѣрки работъ. Эта суета, вызвавшая въ послѣдствіи значительное измѣненіе плана, была вызвана нетерпѣливостью Государя и покорною услужливостью Блудова и Валлена ²⁾. Составленный изъ финляндцевъ ревизіонный комитетъ, которому сначала была поручена провѣрка работы, нашель уже среди 600 параграфовъ гражданскаго закона поводъ къ отстаиванію системы закона 1734 года и гарантированнаго основными законами права финскаго народа участвовать, чрезъ посредство своихъ представителей, въ составленіи новыхъ или отмѣненіи дѣй-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что руководствовались вовсе не содержаніемъ Свода Законовъ Имперіи, а лишь его системою, въ цѣляхъ удобнѣйшаго расположенія матеріала.

²⁾ Называть суетой шестилѣтнюю работу и иронизировать по поводу «покорной услужливости» Блудова и Валлена при исполненіи Высочайшей воли можно только при враждебномъ отношеніи къ самой кодификаціи финляндскихъ законовъ. Такое отношеніе вполне понятно, если вспомнить, что, при существованіи этой кодификаціи, значительно затруднился бы постепенный захватъ сеймомъ предметовъ административнаго законодательства.

ствующимъ законовъ. Наконецъ, ревизіонный комитетъ вышелъ побѣдителемъ, хотя въ наказаніе онъ былъ закрытъ.

Это было извѣстно и ранѣе, хотя документы Коммиссіи по изготовленію Свода Законовъ не находятся въ Финляндіи. Но изданные въ теченіе послѣднихъ лѣтъ г.г. Корево, Бородкинымъ и Майковымъ труды даютъ намъ дополнительно новыя черты ¹⁾. Во-первыхъ, указывается, что въ оглашенныхъ для свѣдѣнія финскаго народа объявленіяхъ говорится совершенно недостаточно о провѣркѣ новаго Свода Законовъ; главная суть утаена, какъ вообще дѣлается съ важнѣйшими военными хитростями. Результаты работъ, о которыхъ полагали, что они будутъ непосредственно доложены Государю, оказались лишь подготовительными. Окончательное ихъ разсмотрѣніе должно было состояться во второмъ отдѣленіи русской Канцеляріи Государя «съ цѣлью достиженія необходимаго внутренняго единства между законодательствомъ Имперіи и мѣстнымъ законодательствомъ Великаго Княжества, а также приоровленія системы, порядка и формы финляндскаго уложенія къ тому, что уже было установлено въ Русскомъ Сводѣ законовъ». Центръ тяжести остается въ долженствовавшей быть произведенной въ Россіи послѣдней работѣ, о которой однако ни однимъ словомъ не упоминалось въ доводимыхъ до свѣдѣнія финскаго народа многословныхъ и запутанныхъ объявленіяхъ. Судя по всему, въ концѣ концовъ, столь же мало, какъ и въ началѣ, имѣлось въ виду предоставить финляндцамъ какое-нибудь право голоса при рѣшеніи дѣлъ.

Какъ далеко заходило офиціальное коварство, усматривается еще лучше изъ другаго обстоятельства, которое мы едва ли можемъ считать за клевету, разъ оно свидѣтельствуется русскимъ фанатикомъ Корево, очевидно, на основаніи неизвѣстныхъ для финляндцевъ документовъ. Даже Валленъ, несмотря на великое довѣріе, которымъ онъ пользовался, и несмотря на то, что онъ столь покорно исполнялъ всѣ приказанія, въ теченіе многихъ лѣтъ не былъ посвященъ въ то, какъ полагали иска-

¹⁾ *Н. Н. Корево*, Изданіе мѣстныхъ законовъ Росс. Имперіи (изъ Библиотеки окраинъ Россіи, № 4), *М. М. Бородкинъ*, Исторія Финляндіи, Время Императора Александра II, и *П. М. Майковъ*, Второе отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 1826—1882 (примѣчаніе автора).

лѣчить проектъ финляндской Коммиссіи законовъ. Еще въ 1842 году графъ Блудовъ доложилъ Государю, что предлагаемый Коммиссіею отдѣлъ, содержащій финляндскіе основные законы, является совершенно лишнимъ, ибо большинство постановленій имѣлось уже въ Сводѣ законовъ. Въ отдѣлъ административныхъ постановленій можно было бы включить постановленія относительно финляндскаго Сената и другихъ установленій. Затѣмъ оставалось лишь нѣсколько постановленій, которыя были будто бы достаточно ясно выражены въ государственномъ актѣ, соединяющемъ Финляндію съ Имперіей¹⁾. Очевидно тутъ разумѣлись объявленіе отъ 5/17 Іюня 1808 года и Фридрихсгамскій мирный договоръ. Эти постановленія могли-де быть снова включены въ Высочайшій Манифестъ объ утвержденіи финляндскаго Свода Законовъ. «Сей Манифестъ, помѣщенный въ началѣ Свода, замѣнилъ бы вполнѣ такъ называемые основные законы». Это предложеніе удостоилось Высочайшаго одобренія; ничто не даетъ поводъ къ предположенію, что запрошено было хотя бы мнѣніе Финляндскаго Министра Статсъ-секретаря.

Относительно Высочайше утвержденнаго доклада, Блудовъ сообщилъ Финляндскому Генераль-губернатору, князю Меншикову, дабы онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Валлена. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда Валлень, отъ имени финляндской коммиссіи законовъ, снова ходатайствовалъ объ отвѣтѣ на предложенный имъ уже давно вопросъ, какъ поступить по отношенію къ финляндскимъ²⁾ законамъ, Блудовъ, недоумѣвая, запросилъ князя Меншикова, было ли доведено до свѣдѣнія Валлена то, что Государемъ по представленію Блудова еще въ 1842 году было постановлено. Тогда Меншиковъ отвѣчалъ, что Сенату-де не нужно давать свѣдѣнія о теоретической сторонѣ дѣла. Русская Канцелярія Его Величества могла-де давать въ означенномъ отношеніи свои указанія непосредственно Валлену. Но суть дѣла обнаруживается одновременно ясно изъ другого

¹⁾ Въ текстѣ цитируемой г. Пальменомъ брошюры сказано: « . . . въ самомъ актѣ присоединенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи».

²⁾ Въ 1851 г. Валлень испрашивалъ разрѣшенія, не слѣдуетъ ли изъ составленнаго Свода исключить проектированную въ первой его части главу о Законахъ Основныхъ.

заявленія. Могущественный Финляндскій Генераль-губернаторъ и любимецъ Государя говорилъ, что онъ избѣгалъ изложенія даннаго дѣла въ письмѣ (?), ибо «оно имѣетъ для финляндскаго общественнаго мнѣнія весьма щекотливый характеръ». Если вѣрить запискамъ Константина Фишера, которыя, однако, въ виду самолюбія автора, ненадежны, да еще въ данномъ случаѣ съ трудомъ могутъ быть сопоставляемы съ офиціальнымъ документомъ, такъ какъ въ изложеніи смѣшиваются происшедшіе въ различное время случаи, то Фишеръ, имѣвшій больше соприкосновенія съ финляндцами, нежели Меньшиковъ, совѣтовалъ будто бы послѣднему отложить дѣло на время. Во всякомъ случаѣ Блудовъ сталъ опасаться, что побѣда еще не была окончательною, и сдѣлалъ новое представленіе Государю. Теперь, въ 1851 году, онъ выразилъ мнѣніе, что не было бы лишнимъ доставить Коммиссіи, въ копіи, удостоенной Высочайшаго, хотя бы только предварительнаго, одобренія, планъ (Свода Законовъ Финляндіи), съ тѣмъ чтобы Коммиссія затѣмъ могла представлять о необходимыхъ измѣненіяхъ. Представленіе Блудова удостоилось и теперь Высочайшаго одобренія, но при одной оговоркѣ: нельзя было ничего упоминать объ этомъ объявленіи, предназначенномъ къ включенію въ Высочайшій Манифестъ объ утвержденіи Свода, каковой Манифестъ, по проекту, долженъ былъ замѣнить финляндскіе «такъ называемые» основные законы. Такимъ образомъ была сохранена безграничная возможность въ послѣдній моментъ исключить все могущее хотя бы фиктивно содержать какое нибудь признаніе финляндскаго права ¹⁾.

Въ связи съ симъ можно указать на маленькое второстепенное обстоятельство, доказывающее съ какою осторожностью намъ слѣдуетъ относиться къ свѣдѣніямъ русскихъ писателей. Бородкинъ старается въ своемъ послѣднемъ трудѣ свалить на Валлена вину за то, что отдѣлъ о финляндскихъ основныхъ законахъ долженъ былъ быть исключенъ изъ проектированнаго Финляндскаго Свода законовъ. Нѣкій писатель Пановъ (очевидно, псевдонимъ, необходимый для прикрытія болѣе извѣстнаго лица),

¹⁾ Считаемо долгомъ возстановить текстъ брошюры Н. Корево («Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи», Спб., 1907, стр. 48), изложенный докладчикомъ не совсѣмъ ясно. См. Приложение I.

который въ напечатанной года два тому назадъ на финскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ книжкѣ ругаетъ назначенныхъ въ 1905 году финляндскихъ Сенаторовъ, заходитъ столь далеко, что увѣряетъ, будто финляндскіе юристы «последовательно отрицали», что Валленъ поступилъ такъ. Совершенно ясно, что, независимо отъ образа дѣйствій Валлена, право финскаго народа не ухудшилось и не улучшилось, ибо ни онъ, ни кто либо другой не имѣлъ намѣренія отказаться отъ него. Но Пановъ ни на чемъ не основываетъ свои обвиненія, ибо, насколько извѣстно, ни одинъ финляндецъ никогда не видѣлъ подлинныхъ хранящихся въ какомъ нибудь русскомъ архивѣ документовъ. Увѣреніе Бородкина противорѣчитъ тому, что намъ, по финляндскимъ источникамъ, извѣстно относительно сего дѣла. Но возможно, что до Валлена дошли слухи объ этомъ, сохраненномъ Генераль-губернаторомъ и другими русскими властями въ теченіе девяти лѣтъ государственномъ секретѣ и что онъ согласовалъ съ этимъ свой запросъ или же получилъ прямое приказаніе, которому не счелъ возможнымъ противиться. Это имѣетъ нѣкоторое значеніе для оцѣнки Валлена, но правовой вопросъ отъ этого не измѣняется.

Когда ревизіонный комитетъ исполнилъ провѣрку представленнаго ему труда, то онъ немедленно коснулся больного мѣста плановъ объ измѣненіи, совершенно не подозрѣвая указанныхъ выше секретовъ и не уступая, хотя Валленъ самымъ рѣшительнымъ образомъ заявилъ, что неудобно сохранить негодную будто бы систему 1734 года ¹⁾. Можно замѣтить, что эта часть борьбы, извѣстная по финляндскимъ источникамъ въ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, превратилась въ дуэль между могущественнымъ предсѣдателемъ Коммиссіи законовъ, прокуроромъ Валленомъ, и молодымъ секретаремъ ревизіоннаго комитета І. Ф. Пальменомъ, который впоследствии занялъ постъ прокурора. По его проекту ревизіонный комитетъ обратился прямо къ Государю. Въ невѣдѣніи о коварныхъ и глубоко утаенныхъ планахъ комитетъ ходатайствовалъ о Высо-

¹⁾ Здѣсь авторъ доклада возвращается къ дѣйствіямъ ревизіоннаго комитета, которыя были ликвидированы въ 1846 году, послѣ чего работы Коммиссіи получили новое направленіе. Страницы 12 и 13 доклада хронологически должны бы слѣдовать за страницей 16.

чайшемъ разрѣшеніи дѣла, такъ какъ Государь обѣщаль сохранить законы Финляндіи въ ненарушимости и вообще не имѣль обыкновенія и не желаль нарушать Свое слово. Такимъ образомъ были разстроены коварно замысленные планы Блудова, Меншикова и другихъ. Мнѣ трудно знать, насколько графъ Армфельтъ въ качествѣ Финляндскаго Министра Статсъ-Секретаря былъ посвященъ въ эти дѣла, ибо я имѣль возможность лишь въ незначительной степени воспользоваться хранящеюся въ Статсъ-Архивѣ его перепискою. Изъ хранящихся въ архивѣ финляндскаго Статсъ-Секретаріата документовъ усматриваются лишь старанія держать финляндскія власти совершенно въ сторонѣ отъ разсмотрѣнія этого касающагося жизненныхъ условій нашего народа вопроса.

70735
70707

Насколько я могъ ознакомиться съ изданными въ печати и ненапечатанными документами, дальнѣйшій ходъ дѣла слѣдующій. Въ 1844 году поступили въ Петербургъ составленныя ревизіоннымъ комитетомъ существенныя возраженія противъ новаго проекта гражданскаго закона, а также ходатайство, чтобы Его Величество соизволиль принять къ разсмотрѣнію принципиальную сторону дѣла, законодательное право финскаго народа. Для перевода объемистыхъ документовъ на русскій языкъ потребовалось много времени, и Блудовъ, кажется, не спѣшилъ докладомъ дѣла. Князь Меншиковъ и, по всей вѣроятности, въ качествѣ его совѣтника Фишеръ сообразили, что проектированное мѣропріятіе явилось бы смертельнымъ ударомъ для законодательства нашего народа и совѣтовали соблюдать осторожность. Кажется, и Валленъ въ послѣдній моментъ колебался. Подготовительный докладъ Государю состоялся въ 1845 году, при чемъ Его Величество одобрилъ взгляды Меншикова. Послѣдовало повелѣніе графу Блудову представить въ свое время проектъ по предварительномъ соглашеніи съ Княземъ Меншиковымъ и Графомъ Армфельтомъ. Въ Статсъ-Секретаріатѣ хранится копія съ окончательнаго доклада Блудова. Изъ него видно, что почтенный графъ былъ достаточно освѣдомленъ о слабыхъ сторонахъ Густавіанскаго времени, чтобы изъ даннаго Густавомъ IV Адольфомъ 23 Марта 1807 года постановленія, касающагося разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ общаго уложенія, придти къ заключенію, что правительство въ Финляндіи будто бы «съ давнихъ

временъ имѣло право единолично измѣнять законъ!»! Впрочемъ онъ заявляетъ, что имъ достигнуто полное соглашеніе съ княземъ Меншиковымъ и графомъ Армфельтомъ; Меншиковымъ были сдѣланы важныя замѣчанія, которыя были прочими одобрены.

Такимъ образомъ единовластіе Второго Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи было въ данномъ случаѣ подорвано. Финляндскимъ властямъ было предоставлено извѣстное право слова, а лѣтомъ 1846 года дѣло было окончательно рѣшено, хотя въ Финляндію это было сообщено лишь въ началѣ 1847 года. Провѣрочная работа должна была быть устроена на новыхъ, хотя очень запутанныхъ, началахъ. Главное заключалось, однако, въ томъ, что Государь убѣдился, сколь близка была опасность нарушенія Имъ Своего Монаршаго слова. Для Него стала ясна разница между кодификаціею и собираніемъ (кокоаіінен) законовъ. Достовернымъ можетъ считаться преданіе, что Императоръ Николай будто бы выразилъ пожеланіе, чтобы въ Финляндскихъ законахъ не была измѣнена ни одна запятая (*pas une virgule*). Вотъ въ чемъ заключается главный пунктъ вопроса ¹⁾.

Но позвольте мнѣ привести въ заключеніе пару забавныхъ обстоятельствъ въ доказательство того, сколь мало русскіе понимали то дѣло, въ которомъ они полагали захватить право рѣшенія. Профессоръ русскаго языка Гротъ, который сравнительно хорошо ознакомился съ финляндскими дѣлами, правда, преимущественно съ литературою, пишетъ въ 1847 году Плетневу, что финляндцы «благословляли Князя Меншикова за то, что кодификація была пріостановлена, хотя это для него непонятно». ²⁾ Болѣе шести десятилѣтій спустя Бородкинъ, соображая въ дѣлѣ еще меньше, придаетъ заявленію наиболь-

¹⁾ Сообщивъ эти легендарныя свѣдѣнія, баронъ Пальмень, однако, вовсе не коснулся въ своемъ докладѣ наиболее важной стороны вопроса о кодификаціи финляндскихъ законовъ, извѣстной ему по брошюрѣ Н. Корево «Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи». Поэтому, считаемъ необходимымъ восполнить этотъ пробѣлъ и дать свѣдѣнія объ окончаніи работъ по кодификаціи финляндскихъ законовъ, а также о мѣрахъ, принятыхъ финляндцами въ цѣляхъ воспрепятствованія ихъ официальному утвержденію (См. Приложение I).

²⁾ Яковъ Карловичъ Гротъ, въ письмѣ отъ 31-го Января 1847 г., писалъ П. А. Плетневу: «часть вечера провелъ у г. (Чепурнова), который обыкновенно рассказываетъ мнѣ что нибудь интересное. Такъ и нынче я услышалъ

шую остроту (terästä) и увѣряетъ ¹⁾, будто въ тогдашнемъ законодательствѣ Финляндіи господствовалъ полный хаосъ! А Майковъ, написавшій обширный трудъ о дѣятельности Второго отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, посвящаетъ цѣлыя страницы для изложенія проектированнаго обновленія законовъ Финляндіи, совершенно не подозрѣвая, что Александръ II приказалъ пріостановить провѣрку обширнаго сборника Комиссіи законовъ. Это рѣшеніе явилось естественнымъ, такъ какъ въ это время было приступлено къ несравненно болѣе плодотворной работѣ—къ составленію новыхъ соотвѣтствующихъ требованіямъ времени законовъ ²⁾. Майковъ мечтаетъ только о томъ, чтобы работа Комиссіи была передана на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ, гдѣ дѣло будто бы уже разсматривалось 50 лѣтъ «или правильнѣе дремало за спиною Финляндскаго Сейма». Бѣдняга не знаетъ, что это дѣло никогда не поручалось земскимъ чинамъ, и не подозрѣваетъ, что послѣдніе, пока имъ было разрѣшено работать безъ помѣхъ, успѣли разсмотрѣть всѣ представленныя имъ предложенія въ количествѣ приблизительно сорока на каждую сессію.

Выработанные за слишкомъ дорогую цѣну томы Комиссіи законовъ хранятся въ библіотекахъ; изслѣдователямъ они иногда бывають въ помощь, но впрочемъ они остались покрытыми пылью. Попытка кодификаціи, однако, привела къ тому косвенному результату, что былъ учрежденъ сборникъ постановленій Финляндіи. Заключающаяся въ этомъ польза, конечно, не ничтожна.

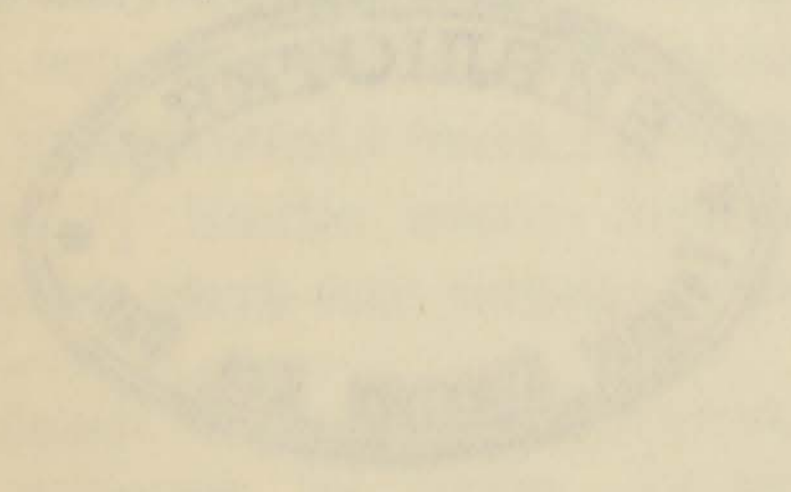

отъ него, что финляндцы благословляютъ князя Меншикова за пришедшее недавно извѣстіе, что составленіе Свода финляндскихъ законовъ Высочайше повелѣно прекратить. Причины неизвѣстны». (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, Спб. 1896, т. III). Радость на этотъ разъ была преждевременной, ибо кодификація, по Высочайшему повелѣнію, продолжалась, по другой системѣ. (См. цитированную выше брошюру Н. Корево).

¹⁾ Баронъ Пальмень смѣшиваетъ кодификацію и изданіе новыхъ законовъ.

²⁾ См. Приложенія II и III.

(1) ...
 (2) ...
 (3) ...
 (4) ...
 (5) ...
 (6) ...
 (7) ...
 (8) ...
 (9) ...
 (10) ...
 (11) ...
 (12) ...
 (13) ...
 (14) ...
 (15) ...
 (16) ...
 (17) ...
 (18) ...
 (19) ...
 (20) ...
 (21) ...
 (22) ...
 (23) ...
 (24) ...
 (25) ...
 (26) ...
 (27) ...
 (28) ...
 (29) ...
 (30) ...
 (31) ...
 (32) ...
 (33) ...
 (34) ...
 (35) ...
 (36) ...
 (37) ...
 (38) ...
 (39) ...
 (40) ...
 (41) ...
 (42) ...
 (43) ...
 (44) ...
 (45) ...
 (46) ...
 (47) ...
 (48) ...
 (49) ...
 (50) ...
 (51) ...
 (52) ...
 (53) ...
 (54) ...
 (55) ...
 (56) ...
 (57) ...
 (58) ...
 (59) ...
 (60) ...
 (61) ...
 (62) ...
 (63) ...
 (64) ...
 (65) ...
 (66) ...
 (67) ...
 (68) ...
 (69) ...
 (70) ...
 (71) ...
 (72) ...
 (73) ...
 (74) ...
 (75) ...
 (76) ...
 (77) ...
 (78) ...
 (79) ...
 (80) ...
 (81) ...
 (82) ...
 (83) ...
 (84) ...
 (85) ...
 (86) ...
 (87) ...
 (88) ...
 (89) ...
 (90) ...
 (91) ...
 (92) ...
 (93) ...
 (94) ...
 (95) ...
 (96) ...
 (97) ...
 (98) ...
 (99) ...
 (100) ...

(101) ...
 (102) ...
 (103) ...
 (104) ...
 (105) ...
 (106) ...
 (107) ...
 (108) ...
 (109) ...
 (110) ...
 (111) ...
 (112) ...
 (113) ...
 (114) ...
 (115) ...
 (116) ...
 (117) ...
 (118) ...
 (119) ...
 (120) ...
 (121) ...
 (122) ...
 (123) ...
 (124) ...
 (125) ...
 (126) ...
 (127) ...
 (128) ...
 (129) ...
 (130) ...
 (131) ...
 (132) ...
 (133) ...
 (134) ...
 (135) ...
 (136) ...
 (137) ...
 (138) ...
 (139) ...
 (140) ...
 (141) ...
 (142) ...
 (143) ...
 (144) ...
 (145) ...
 (146) ...
 (147) ...
 (148) ...
 (149) ...
 (150) ...

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

I.

Выдержка изъ вышедшей въ 1907 г. брошюры Н. Корево „Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи“.

« Въ 1851 году Валленъ испрашивалъ разрѣшенія, не слѣдуетъ ли изъ составленнаго Свода исключить проектированную въ первой его части главу о Законахъ Основныхъ. Предположеніе это возникало еще въ 1842 году и было Высочайше одобрено. Въ своемъ докладѣ по этому вопросу гр. Блудовъ указывалъ, что сообщенный Валленомъ въ переводѣ проектъ главы объ Основныхъ Законахъ доказываетъ, что нѣтъ возможности составить изъ него отдѣльную часть Свода Законовъ. Въ проектѣ было всего 34 статьи, но если исключить изъ него, что и необходимо, всѣ тѣ постановленія, которыя не слѣдовало въ оный включать, такъ какъ они являются повтореніемъ правилъ, содержащихся въ Сводѣ Законовъ Имперіи (какъ, напр., статьи о наслѣдіи Престола, вѣроисповѣданіи Царствующаго лица, и др., о чемъ говорится въ Основныхъ Законахъ Имперіи, или же объ устройствѣ Сената и другихъ судебныхъ мѣстъ и властей, что должно быть отнесено къ учрежденіямъ, или же, наконецъ, о присвоенныхъ разнымъ классамъ жителей правахъ, опредѣляемыхъ въ Законахъ о Состояніяхъ), то останется едва ли три или четыре постановленія, уже съ достаточною полнотою и ясностью изображенныхъ въ самомъ актѣ присоединенія Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи; эти постановленія могли быть повторены тѣми же словами въ Высочайшемъ манифестѣ при окончательномъ утвержденіи и изданіи Свода. Сей манифестъ, будучи помѣщенъ въ самомъ началѣ Свода, совершенно замѣнилъ бы такъ называемые Основные Законы. По Высочайшемъ одобреніи, эти заключенія были сообщены Генераль-Губернатору Финляндіи кн. Меншикову для сообщенія Валлену черезъ Сенатъ. Такимъ образомъ, казалось бы, что вопросъ

этотъ былъ уже рѣшенъ окончательно еще въ 1842 году. Поэтому гр. Блудовъ, получивъ вторично въ 1851 году представленіе Валлена по тому же предмету и недоумѣвая, какого онъ еще требуетъ разрѣшенія, сносился съ кн. Меншиковымъ для выясненія возникшаго недоразумѣнія. Оказалось, что Меншиковъ и не сообщалъ тогда ничего Валлену, такъ какъ полагалъ, что не имѣлъ на то права. По его мнѣнію, подлежатъ сообщенію черезъ Финляндскаго Генераль-Губернатора лишь тѣ Высочайшія повелѣнія, исполненіе которыхъ зависитъ отъ Сената: программу же Свода онъ относилъ къ той, такъ сказать, теоретической части работы, по коей Валленъ получалъ инструкціи и наставленія отъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Меншиковъ указывалъ, что было бы гораздо удобнѣе сдѣлать подлежащее по сему предмету сообщеніе Валлену не черезъ Сенатъ, а непосредственно отъ него, для избѣжанія всякихъ толковъ о предметѣ щекотливомъ для финляндскаго духа. Испрашивая на сіе Высочайшее разрѣшеніе, гр. Блудовъ полагалъ нелишнимъ доставить Валлену въ копіи, удостоенной Высочайшаго, хотя бы только предварительнаго, одобренія, планъ, по коему расположенъ Сводъ Законовъ Финляндіи, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы Кодификаціонная Комиссія могла представить о необходимыхъ въ немъ измѣненіяхъ. Докладъ удостоился Высочайшаго одобренія, но съ тою оговоркой, «чтобы въ экземплярѣ составленнаго въ 1842 году проекта означенія предметовъ, долженствующихъ войти въ Сводъ Законовъ, Учрежденій и Уставовъ Великаго Княжества Финляндскаго, который будетъ сообщенъ Валлену, не упоминалось о Высочайшемъ манифестѣ касательно обнародованія сего Свода, ибо сіе должно зависѣть отъ усмотрѣнія Его Величества при самомъ изданіи Свода» ¹⁾.

¹⁾ Означеніе и порядокъ помѣщенія предметовъ, долженствовавшихъ войти въ Сводъ Законовъ, Учрежденій и Уставовъ Великаго Княжества Финляндскаго:

Часть первая.

Законы.

- I. Высочайшій манифестъ о составленіи и обнародованіи Свода Законовъ Великаго Княжества Финляндскаго съ подтвержденіемъ о дарованныхъ Финляндіи особыхъ правахъ.

Въ 1854 году Кодификаціонной Комиссіей были приготовлены и собраны всѣ постановленія Правительства, измѣняющія или дополняющія Уложеніе 1734 г., въ хронологическомъ порядкѣ; изготовленъ проектъ дополнительныхъ къ Уложенію постановленій и составленъ проектъ свода всѣхъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, не имѣющихъ прежняго отношенія къ Уложенію 1734 г. Сверхъ сего собраны и всѣ имѣющія и имѣвшія силу узаконенія, изъ коихъ многія не были напечатаны, такъ какъ находились только въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ или въ частныхъ коллекціяхъ. Какъ видно изъ записки о ходѣ работъ, эти дополнительные постановленія къ Уложенію были доставлены во II Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, но безъ переводовъ на русскій языкъ (кромѣ отдѣла о бракѣ). Согласно донесенію Валлена отъ 6—18 марта 1854 г., окончень былъ также и Сводъ постановленій административныхъ, казенныхъ и полицейскихъ. Въ особой запискѣ было указано, что проекты доведены до 1851 года. Поэтому Валленъ полагалъ продлить существованіе Кодификаціонной Комиссіи, поручивъ ей составленіе собранія и свода узаконеній, изданныхъ послѣ 31 декабря 1850 г., а по окончаніи ревизіи, и приготовленіе

-
- II. Законы о Состояніяхъ.
 - III. Законы Гражданскіе и Межевые, съ судопроизводствомъ по дѣламъ Гражданскимъ и Межевымъ.
 - IV. Законы Торговые съ судопроизводствомъ по дѣламъ Торговымъ.
 - V. Законы о мореплаваніи.
 - VI. Законы о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.
 - VII. Порядокъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Часть вторая.

Учрежденія и Уставы.

- I. Учрежденія Высшихъ Правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.
- II. Учрежденія губернскихъ, уѣздныхъ и прочихъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ и другихъ властей въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.
- III. Уставы о службѣ гражданской.
- IV. Уставы о повинностяхъ.
- V. Уставы казеннаго управленія.
- VI. Уставы благоустройства.
- VII. Уставы благочинія.

указателей къ Своду и Собранію узаконеній въ алфавитномъ и хронологическомъ порядкѣ.

20 марта 1854 года состоялось Высочайшее повелѣніе, по дополненіи представленной работы узаконеніями, обнародованными съ 1851 г., приступить къ напечатанію сего Свода и Собранія узаконеній подъ наблюденіемъ Комиссіи и разослать печатные экземпляры оныхъ въ присутственныя мѣста Великаго Княжества Финляндскаго для провѣрки ихъ при практическомъ примѣненіи, съ тѣмъ, чтобы собранныя на семь основаніи въ продолженіе трехъ лѣтъ замѣчанія были обсуждены въ Финляндскомъ Сенатѣ.

Въ маѣ 1858 г. гр. Блудовъ представилъ Государю Императору три первые тома Свода и Собранія Законовъ Финляндскихъ, объяснивъ, что остальные два тома будутъ окончены печатаніемъ въ половинѣ 1858 г. Первый изъ этихъ томовъ, который и называется Сводомъ, имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Уложеніе Шведскаго Королевства, одобренное и принятое на сеймѣ 1734 г., съ дополненіями при статьяхъ текста, извлеченными изъ изданныхъ до 1855 г. и имѣющихъ обязательную силу въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ постановленій и уставовъ, которыми измѣняется или объясняется сей законъ или распространяются и точно опредѣляются содержащіяся въ немъ правила».

Томы второй и третій озаглавлены такъ: «собраніе дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ изданныхъ до 1855 г. постановленій, которыми измѣняется или объясняется общій законъ сего края и распространяются и точнѣе опредѣляются содержащіяся въ ономъ предписанія».

Эти три тома заключали въ себѣ, такъ сказать, первую и главнѣйшую часть законодательства Финляндскаго. Въ нихъ содержалось все право гражданское и кодексъ уголовный, судопроизводство гражданское и уголовное и многія постановленія административныя, состоящія въ ближайшей связи съ законодательствомъ гражданскимъ. Въ первомъ томѣ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ подлинный текстъ Шведскаго Уложенія 1734 г., а мелкимъ шрифтомъ примѣчанія, въ коихъ помѣщены буквальныя извлеченія изъ прежнихъ и позднѣйшихъ узаконеній, дополняющихъ Уложеніе 1734 г. или измѣняющихъ постановленія онаго, съ означеніемъ, по примѣру Свода Законовъ Имперіи, времени изданія узаконеній, по коимъ составлены

примѣчанія. Въ томахъ второмъ и третьемъ собраны въ хронологическомъ порядкѣ разные дополняющіе или измѣняющіе Уложеніе 1734 года Уставы, изданные какъ при Шведскомъ Правительствѣ, такъ и по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, начиная съ 1538 г. по августъ 1854 г. Эти уставы внесены въ Собраніе большею частью вполнѣ, за исключеніемъ лишь случаевъ, когда постановленіе Устава не имѣетъ никакой связи съ Уложеніемъ. При каждомъ уставѣ и при каждой статьѣ, если уставъ раздѣленъ на статьи, означены на поляхъ книги и параграфы, къ коимъ сей уставъ относится. 27 ноября того же (1858) года гр. Блудовъ представилъ Государю и вторую часть Свода, заключающую въ себѣ собраніе постановленій административныхъ, полицейскихъ и финансовыхъ и состоящую изъ трехъ томовъ. Къ томамъ II и III присоединены особыя книги, въ коихъ помѣщены относящіяся къ симъ томамъ приложенія.

Согласно Высочайшему объявленію 28 марта 1859 г. (XVII, стр. 348) вышеозначенныя работы Комиссіи подвергнуты были ревизіи всѣхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ Финляндіи и Сената съ тѣмъ, чтобы послѣдній, по окончательной ревизіи Свода дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, представилъ оный вмѣстѣ съ сдѣланными замѣчаніями на Высочайшее благоусмотрѣніе. Замѣчанія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ Финляндіи, а также частныхъ лицъ должны были поступить въ Сенатъ до исхода 1861 года. Такимъ образомъ можно было разсчитывать, что въ ближайшемъ будущемъ состоится, наконецъ, изданіе Свода финляндскихъ узаконеній на русскомъ и шведскомъ языкахъ, на составленіе котораго было потрачено столько многолѣтнихъ и трудныхъ работъ Комиссіи подъ высшимъ наблюденіемъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Но вопреки всѣмъ предположеніямъ оказалось, что вся эта работа, несмотря на свой законченный видъ, по соображеніямъ чисто формальнаго свойства, была сдана въ архивъ ¹⁾.

¹⁾ Пальмень, бывшій профессоръ Императорскаго Гельсингфорскаго университета, а затѣмъ сенаторъ Финляндскаго Сената (отецъ автора доклада), описывая ходъ работъ въ Кодификаціонной Комиссіи и отмѣтивъ то обстоятельство, что изъ нихъ ничего не вышло, прибавляетъ: „они (т. е. финляндцы) одержали побѣду, которая будетъ по достоинству оцѣнена потомствомъ“.

18 (30) 1 Юня 1865 г. Генераль-Губернаторомъ Великаго Княжества Финляндскаго, барономъ Рокассовскимъ было препровождено Министру Статсъ-Секретарю, для доклада Государю Императору, представленіе Финляндскаго Сената отъ 29 Мая 1865 г. объ окончательномъ разсмотрѣніи составленнаго Кодификаціонной Комиссіей Свода дѣйствующихъ финляндскихъ узаконеній.

Имѣя въ виду, что въ составленный Комиссіей Сводъ вошли только законы и постановленія, состоявшіеся до 1855 года, что послѣдовавшія затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ и въ особенности послѣ минувшаго Сейма многія важныя и коренныя законоизмѣненія почти всѣхъ отраслей государственнаго управленія въ оный не включены и что въ ближайшемъ будущемъ должно предвидѣть еще много подобныхъ не менѣе важныхъ и обширныхъ измѣненій въ законодательствѣ, Сенатъ, въ виду того обстоятельства, что означенный Сводъ Законовъ безъ совершенной переработки его не можетъ соотвѣтствовать на будущее время своей первоначальной цѣли, всеподданнѣйше представляетъ о Высочайшемъ повелѣніи не приступать къ окончательному разсмотрѣнію сего Свода и всѣ относительно его распоряженія оставить безъ дальнѣйшаго дѣйствія. Точно такое же представленіе объ отложеніи окончательнаго разсмотрѣнія Свода поступило 4 (16) августа того же года отъ Статсъ-Секретаріата Великаго Княжества Финляндскаго съ отзывомъ Генераль-Губернатора, который полагалъ окончательное разсмотрѣніе помянутаго Свода и всѣ относящіяся къ нему распоряженія отложить до Высочайшаго повелѣнія по сему предмету. 8/20 ноября 1865 года состоялось Высочайшее повелѣніе не приступать къ возложенному на Сенатъ ближайшему разсмотрѣнію составленнаго и напечатаннаго въ 1858 году Свода финляндскихъ узаконеній и не принимать по оному дальнѣйшихъ распоряженій впредь до новаго повелѣнія. Такого повелѣнія, однако, до сихъ поръ не послѣдовало.

Объ особыхъ работахъ финляндскихъ кодификаціонныхъ комитетовъ 1865, 1885 и 1890 г.г., а равно о разсмотрѣніи ихъ трудовъ въ Кодификаціонномъ Отдѣлѣ при Государственномъ Совѣтѣ и въ Министерствѣ Юстиціи, которыми труды эти признаны превышающими предѣлы кодификаціи, мы здѣсь упоминать не будемъ».

II.

Финляндское ученое высокоомѣріе.

*Статья М. Бородкина въ № 121 «Финляндской Газеты»
за 1914 г.*

Въ Гельсингфорсѣ, въ обществѣ изслѣдователей исторіи, профессоръ Е. Г. Пальмень выступилъ съ докладомъ о кодификаціонныхъ замыслахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ (См. «Historiallinen Aikakauskirja» 1914, №1). Онъ воспользовался тѣми документами, которые были опубликованы за послѣднее время въ трудахъ русскихъ изслѣдователей Н. Н. Корево, М. М. Бородкина и П. М. Майкова. Съ одной стороны г. Пальмень имѣлъ въ виду пополнить свѣдѣнія своихъ сородичей, а съ другой— дать урокъ русскимъ «фанатикамъ», «невѣждамъ» и ненавистникамъ финляндцевъ, которые дерзаютъ свое мнѣніе имѣть въ той области, въ которой ни въ чемъ непогрѣшимые финляндцы привыкли изрекать безапелляціонно свои непререкаемые приговоры и вотумы.

Первый нагоняй достался мнѣ отъ ученаго докладчика. Онъ приводитъ мое мнѣніе, какъ «потѣшный» примѣръ невѣжества.

Я давно зналъ г. Пальмена; мнѣ было извѣстно, что онъ происходитъ изъ благовоспитанной семьи и привыкъ считать его вѣжливымъ и корректнымъ и ставить его выше тѣхъ совершенно разнузданныхъ людей, которые переполняютъ редакціи мѣстныхъ газетъ Финляндіи.—Оказывается, что я ошибался, что онъ лишь старался казаться въ нашихъ русскихъ комиссіяхъ вѣжливымъ и выдержаннымъ, а попавъ въ свою финляндскую среду, не пожелалъ отстать отъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые считаютъ однимъ изъ обязательныхъ проявленій финскаго патріотизма невѣжливыя выраженія по адресу русскихъ, постоянное заподозриваніе ихъ въ «коварныхъ замыслахъ», «утайкахъ» и т. п. Каюсь, и впредь г. Пальмена выдѣлять изъ неприглядной кучки ярыхъ и необузданныхъ руссофобовъ не буду.

А теперь къ существу дѣла. Послѣ того, какъ гр. М. Сперанскій закончилъ свой великій трудъ по своду законовъ, возникла мысль о кодификаціи по той же системѣ финлянд-

скихъ законовъ. Работы тянулись долго и кончились мыльнымъ пузыремъ. Эту заслугу приписали кн. А. С. Меншикову, и финляндцы возрадовались новой своей побѣдѣ надъ русскими объединительными попытками. Описавъ эту исторію въ своей книгѣ объ Императорѣ Александрѣ II, я прибавилъ: было чему радоваться, что финляндское законодательство осталось при прежнемъ своемъ «хаосѣ» въ кодификаціи!

Слово «хаосъ» вывело г. Пальмена изъ равновѣсія и онъ принялся хохотать и хихикать надъ моимъ «невѣжествомъ» и «наивностью». Посмотримъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ.

Итакъ, существовалъ-ли «хаосъ» въ финляндскомъ законодательствѣ? Я утверждаю, что существовалъ.

Прежде всего возьмемъ основные законы 1772 и 1789 г.г., которымъ финляндцы придаютъ столь существенное значеніе. Что-же? Можно ли было въ нихъ разобраться? Самъ ученый Пальмень признаетъ, что они устарѣли, что они страдали недостатками, что они были написаны Густавомъ III *въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ* и это внесло путаницу, которая увеличилась при его преемникахъ. Но этого мало. Когда Финляндію присоединили къ Россіи, то въ полномъ объемѣ основные законы 1772 и 1789 г.г. никоимъ образомъ не могли быть распространены на новую русскую провинцію. Между тѣмъ никто и никогда до сихъ поръ не опредѣлилъ, какія части этихъ законовъ сохранили свою силу и какія отпали. Это-ли не хаосъ? Сами финляндцы по этому важнѣйшему вопросу ихъ новаго политическаго бытія никогда не могли договориться. Арвидсонъ, Росенборгъ, Германсонъ, Л. Мехелинъ и др. идутъ въ этомъ вопросѣ кто въ лѣсъ, кто по дрова. Арвидсонъ говоритъ, что едва-ли всего 11 параграфовъ сохранили свою силу. Л. Мехелинъ силился надѣть весь пышный королевскій нарядъ Швеціи на отторгнутую финляндскую провинцію. Одно это указанное важное обстоятельство давало мнѣ полное право говорить о «хаосѣ».

Возьму теперь примѣръ изъ области административнаго законодательства. Заглядывалъ-ли строгій мой судья, г-нъ Пальмень, называющій мой взглядъ потѣшнымъ невѣжествомъ, когда-либо въ область своихъ военныхъ законовъ? Мнѣ пришлось заглянуть и я ужаснулся. Въ этой области никто никогда

изъ финляндцевъ не въ состояніи былъ разобратъся. Имѣлись финскія войска и въ одно время нужно было опредѣлить, въ какомъ объемѣ прежніе шведскіе военные артикулы и постановленія возможно было примѣнять въ Финляндіи. Этимъ особенно интересовался гр. А. А. Закревскій и маіоръ 1-го Финляндскаго пѣхотнаго полка Шернваль старался ему помочь не заблудиться въ этомъ непроходимомъ лѣсу, но никакого просвѣта не было найдено. Много возились съ «Его Величества короля шведскаго уставомъ для пѣхотныхъ полковъ 23-го мая 1731 года». Оказалось, что части, касавшіяся ученія, эволюцій, пальбы и разныхъ построеній, устарѣлы и опять ни единой властью не было установлено, что оставалось въ силѣ и что надлежало считать недѣйствительнымъ. Еще большая путаница происходила въ вопросахъ военно-хозяйственныхъ. Мы уже не говоримъ о чинопроизводствѣ, о разныхъ офицерскихъ привилегіяхъ и т. п. Изъ этой трясины никогда не могли выбраться; въ ней утонули канцеляріи, главный штабъ и отдѣльные начальники. Въ этихъ вопросахъ всѣ бродили въ совершенныхъ потемкахъ. Въ этой области былъ такой ералашъ, такое мѣсиво шведскаго и русскаго, что диву даешься, читая нынѣ переписку А. А. Закревскаго съ главнымъ штабомъ, и если все это сходило съ рукъ, то лишь потому, что вся эта неразбериха примѣнялась къ немногочисленнымъ воинскимъ частямъ, запряганнымъ въ мало извѣстной тогда Финляндіи. Въ крайнихъ случаяхъ спасались примѣненіемъ русскихъ военныхъ уставовъ и приказовъ. И послѣ всего этого г. Пальмень желаетъ лишить меня права охарактеризовать такое состояніе хаосомъ, высококомѣрно смѣется и грубо клеймитъ мое заявленіе «невѣжествомъ»!

Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы наглядно показать беззастѣнчивость финляндскаго профессора въ раздачѣ оскорбляющихъ эпитетовъ.

Г. Пальмень, видимо, имѣлъ передъ глазами одно Уложеніе 1734 г. и любовался имъ. Знаю я, что въ этомъ законѣ было много хорошаго, что онъ отличался нѣсколькими самостоятельными особенностями, ставившими его въ свое время рядомъ съ наиболее оригинальными европейскими кодексами, что Уложеніе выдѣлялось ясностью и простотою языка, національнымъ своимъ характеромъ, соотвѣтствіемъ быту и потреб-

ностямъ населенія. Уложеніе пользовалось заслуженной славою. Все это мнѣ извѣстно со школьной скамьи. Но мнѣ также извѣстно, что затѣянной кодификаціей 30-хъ и 40-хъ годовъ никто не желалъ лишать Финляндію этого «сокровища». Однако и въ Уложеніи были изъяны, и оно во многомъ устарѣло. Разумѣю здѣсь, напримѣръ, отдѣлъ о судопроизводствѣ, а также ужасное количество статей, опредѣлявшихъ смертную казнь. Этихъ драконовыхъ статей было 68!

Я помню, въ какомъ затруднительномъ положеніи оказывались тѣ русскіе ученые и писатели, которые,—подобно проф. И. Я. Фойницкому или П. П. Шиловскому,—желали ознакомиться съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ Финляндіи даже въ недавнее время, такъ какъ она не имѣетъ ничего подобнаго нашимъ Судебнымъ Уставамъ, или Code d'instruction criminelle, или Gerichtsverfassungsgesetz и Straffprozessordnung. Не помогли этимъ изслѣдователямъ и книги Вреде, Чюдениуса и др.; нужно было обратиться къ судебной практикѣ (domstolspraxis). Убѣжденъ, что даже самому г. Пальмену не вынырнуть благополучно изъ этого тинистаго озера, которое называется финляндскимъ domstolspraxis, если только онъ рѣшится окунуться въ него. Уже не потому-ли финляндцы такъ ретиво держатся своего совершенно негоднаго судебного порядка, что въ этой мутной водѣ удобно рыбку ловить?

Въ кодификаціи Финляндія крайне нуждалась въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, какъ нуждалась и ранѣе, по заявленію Калоніуса, и какъ нуждается и теперь еще по нѣкоторымъ отраслямъ законодательства. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ финляндцы, конечно, желали и кодификаціи и систематизаціи своихъ законовъ, но только не по примѣру нашего Свода законовъ, не руками русскихъ чиновниковъ, а при участіи земскихъ чиновъ; но при Николаѣ I-мъ о сеймѣ говорить не приходилось. Кромѣ того, финляндцы никакого соприкосновенія не желали имѣть съ русскими порядками и образцами. Они чурались единенія съ Россіей, въ какой бы области оно ни происходило. Кодификація 30-хъ и 40-хъ годовъ нѣсколько преслѣдовала эту цѣль и желала достигъ извѣстной доли единообразія. Скажу болѣе. Нѣкоторыя работы по кодификаціи 30-хъ и 40-хъ годовъ были произведены весьма недурно. Г. Пальмень говоритъ, что тома

кодифікаційної Комиссії храняться въ бібліотекахъ; а я прибавлю, что нѣкоторыми томами Комиссії финляндскія канцеляріи преисправно пользовались неофіціально, забраковавъ ихъ офіціально при ревизіи.

Г. Пальмень боится, какъ Мефистофель изображенія креста, всякаго правового единенія Финляндіи съ Россіей. Иначе смотрѣлъ на дѣло профессоръ И. Я. Фойницкій. Онъ находилъ, что «право есть самый прочный цементъ, связующій національности. Въ высшей степени было бы желательно, — прибавляетъ онъ, — чтобы въ Россіи и Финляндіи дѣйствовало одно и то же уголовное законодательство»... Я болѣе скромнень: мои мечты не далѣе распространенія на Финляндію русскаго судопроизводства...

Разъ рѣчь зашла о докладѣ г. Пальмена, то укажу еще, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ никакого «коварства» противъ финляндцевъ кодификаціей не замышлялось, никто обойти или обмануть ихъ не собирался и не хотѣлъ. Надо знать, что въ тѣ времена господствовала общая система творить все путемъ канцелярскихъ тайнъ. Генераль-Губернаторъ кн. А. С. Меншиковъ, кромѣ того, безъ всякой надобности усугублялъ эту тайну: онъ боялся всѣхъ, боялся своей канцеляріи, готовъ былъ уничтожить фуражку съ собственной головы, если бы узналъ, что она обнаружила тайну его думъ. Кромѣ того, во главѣ кодификаціоннаго дѣла былъ поставленъ Валленъ, и все дѣло было выдѣлено изъ общаго производства, а посему не имѣлось надобности многое сообщать мѣстному Сенату. Въ виду этого напрасно г. Пальмень усердствуетъ, доказывая наличность какой-то «утайки».

Вообще г. Пальмень проявляетъ много лишняго усердія въ патріотическомъ своемъ экстазѣ и орудуетъ даже двумя различными мѣрками при установленіи историческихъ фактовъ. Когда ему нужно было укорить гр. А. А. Закревскаго въ сыскѣ, онъ довѣряетъ мемуарамъ К. И. Фишера, когда-же потребовалось принять, со словъ Фишера, указаніе на его инициативу по разрушенію плана кодификаціи, г. Пальмень дѣлаетъ оговорку о ненадежности записокъ Фишера. Г. Пальмень здѣсь не отгадалъ; Фишеръ многое сочинилъ, когда говорилъ о шпіонствѣ Закревскаго, и сказалъ правду, сообщивъ, что именно онъ, Фишеръ, поднялъ свой голосъ противъ начатой кодификаціи.

Далѣе г. Пальмень подчеркиваетъ, что «насколько извѣстно, ни одинъ финляндецъ никогда не видѣлъ подлинныхъ хранящихся въ какомъ-нибудь русскомъ архивѣ документовъ». Онъ, кажется, подразумѣваетъ здѣсь документы, относящіеся къ кодификаціи, и не намѣренъ придавать своей фразѣ болѣе широкаго толкованія.

Если такъ, то мимоходомъ отмѣчу, что документы эти находятся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, гдѣ отличаются особой предупредительностью и вниманіемъ ко всѣмъ, работающимъ у нихъ. Если финляндцы не видѣли этихъ документовъ, то виноваты въ этомъ сами, ибо, сколько намъ извѣстно, имъ никогда не ставилось препятствій къ изученію документовъ нашихъ архивовъ, въ родѣ того, какъ практиковалось прежде въ Статсъ-Секретаріатѣ, гдѣ къ документамъ не допустили К. Ф. Ордина, и какъ это практикуется нынѣ въ Гельсингфорсѣ, въ Статсъ-Архивѣ. Когда я пожелалъ ознакомиться съ нѣкоторыми письмами гр. А. Армфельта, мнѣ сказали, чтобы я обратился за разрѣшеніемъ къ его сыну. Меня это крючковатое правило въ офиціальномъ архивѣ, конечно, удивило, но скоро я понялъ, что хитрое правило изобрѣтено спеціально съ тѣмъ, чтобы затруднить доступъ къ бумагамъ Армфельта русскимъ изслѣдователямъ. Надѣмся, однако, что нынѣшній вице-предсѣдатель Сената, которому подчиненъ Статсъ-Архивъ, найдетъ возможнымъ устранить подобную несообразность.

III.

Кодификація 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Очеркъ М. Бородкина.

Среди бумагъ кн. А. С. Меншикова сохраняется обстоятельная записка «О необходимости ввести во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи русскіе органическіе законы». Записка, къ сожалѣнію, не имѣетъ ни подписи, ни даты. Но видно, что авторъ ея нѣсколько разъ офиціально высказывался по важнымъ политическимъ вопросамъ. Онъ горячій патріотъ и принималъ близко къ сердцу вопросы своей родины. Онъ, на примѣръ, въ 1827 и 1830 г.г. представлялъ на усмотрѣніе

властей, что въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, назначались чиновники исключительно изъ поляковъ, и даже изъ такихъ, которые явно противодѣйствовали Россіи. Теперь онъ недоволенъ, что управленіе Прибалтійскихъ губерній ввѣрялось исключительно одному мѣстному дворянству. Они постоянно указываютъ на свою преданность Россіи. Но какая это преданность, когда они пренебрегаютъ русскимъ языкомъ и стараются оттолкнуть все, что можетъ ихъ сблизить съ Россіею. «Русскій преданность престолу и любовь Государю и государству почерпаетъ изъ народныхъ чувствъ. Это чувство есть лучшее наше достояніе, оно переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, составляетъ нашу народную гордость, нашу славу, тогда какъ рыцари, послѣ вѣковой кровавой борьбы, покоренные силою русскаго меча, съ ропотомъ несутъ ея владычество и съ любовью обращаютъ взоры къ первобытной независимости». Русскіе безпрекословно исполняютъ волю Государя, а жители Прибалтійскихъ губерній оспариваютъ его требованія, ссылаются на договоры, «какъ будто эти гнилыя хартіи» могутъ ограничить самодержавную власть. Не указывайте,—говоритъ авторъ,—на преданность прибалтійцевъ, у насъ самихъ образцы преданности—Долгорукіе, Румянцевы, Бутурлины, Волынскіе, Чернышевы, Панины, Мельгуновы и т. д.

Продолжая свои разсужденія, онъ пишетъ: «Нынѣ русскій долженъ сдѣлаться нѣмцемъ, шведомъ, полякомъ, только не русскимъ, чтобы въ земляхъ, его кровью завоеванныхъ, пользоваться правомъ гражданства. Это истина. Мы ее видимъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, мы видимъ ее въ Финляндіи...». Онъ указываетъ на переселеніе въ Финляндію извѣстнаго числа людей, которые, со времени Александра I управляются шведскими законами и на языкѣ шведскомъ и нѣмецкомъ. «Какой духъ зла, духъ ненависти къ благу земли русской, внушилъ Государю подобную мысль?». «Конечно, отвѣчаетъ онъ, не русскій человѣкъ, а лица, подобныя князю Ад. Чарторыжскому, графу Поцоди-Борго...

Шведы долго и бесполезно боролись съ финнами и покорили ихъ лишь тогда, когда заселили часть ихъ земли, дали имъ свои законы, своихъ правителей, ввели свой языкъ. Мы

дѣйствуемъ обратно этому и желаемъ, чтобы русскіе, поселившіеся въ Финляндіи, сдѣлались шведами».

Послѣ длиннаго ряда подобныхъ разсужденій авторъ заявляетъ, что для блага Имперіи необходимо, чтобы всѣ главныя мѣста управленія—генераль-губернатора, губернаторовъ, предсѣдателей палатъ и др. были заняты русскими... Предложивъ рядъ мѣръ, спеціально по отношенію къ Польшѣ и Прибалтійскому краю, онъ продолжаетъ: «Составить общее уложеніе гражданское и уголовное для всей Имперіи...». «Отъ Великаго Княжества Финляндскаго отдѣлить Старую Финляндію...». И т. д. Указываютъ, что политическія обстоятельства препятствуютъ многимъ изъ намѣченныхъ преобразованій. Такъ-ли это? Петръ Великій преобразовалъ Россію, когда она объята была пламенемъ длительной войны, Екатерина вводила свои мудрыя учрежденія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Польшѣ, когда воевала съ Турціей и Швеціей. Неизвѣстно, имѣла-ли эта записка какое-либо вліяніе при рѣшеніи вопроса о кодификаціи финляндскихъ законовъ. Записка опредѣленно требовала для Имперіи общаго уголовного и гражданского уложенія. У князя Меншикова она находилась вмѣстѣ съ бумагами, полученными имъ отъ гр. Блудова.

Если вѣрять болтливому и надъ всѣмъ иронизирующему К. И. Фишеру, то предложеніе объ изданіи Свода Законовъ Финляндіи исходило отъ гр. Д. Н. Блудова. «Не спрося Генераль-Губернатора, учредили финляндскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Валлена, и подчинили его Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Блудовъ назначалъ оклады и награды,—а Финляндія платила».

По предположенію финляндскаго историка, М. Шюбергсона, вопросъ о кодификаціи былъ возбужденъ самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Официальными источниками устанавливается слѣдующее: Высочайшимъ рескриптомъ (29 мая—10 іюня) 1835 г. на имя Генераль-Губернатора послѣдовало повелѣніе составить сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, «съ соблюденіемъ систематическаго въ расположеніи оныхъ порядка». Для этого въ Гельсингфорсѣ учреждена была Кодификаціонная Комиссія подъ предсѣдательствомъ прокурора Сената К. І. Валлена.

Отчеты о ходѣ работъ должны были представляться во Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Доклады шли черезъ министра Статсъ-Секретаря Ребиндера сперва графу Сперанскому, а затѣмъ предсѣдателю Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта Дашкову и, наконецъ, гр. Блудову. Задумавъ изданіе для Финляндіи свода дѣйствующихъ законовъ, наши власти имѣли прежде всего въ виду работу по плану, принятому уже для свода Законовъ Имперіи, а также возможное сближеніе мѣстныхъ постановленій съ общеимперскими.

Профессоръ Экелундъ составилъ систематическую общую схему и, кажется, выработалъ гражданскій и уголовный законъ; Бонсдорфъ, съ обычной энергіей, выработалъ для схемы (если и не полностью) камеральную часть.

Комиссія пожелала сперва, не касаясь системы уложенія 1734 г., лишь собрать все, чѣмъ его надлежало дополнить и измѣнить, и размѣстить этотъ матеріалъ подъ соответствующими статьями. Приступивъ къ дѣлу, кодификаціонная комиссія убѣдилась въ невозможности исполненія работы, вслѣдствіе того, что съ одной стороны цѣлыя главы уложенія 1734 г. оказались уже недѣйствующими и подлежащими исключенію, а съ другой—нужно было ввести новыя главы, основываясь на недавно состоявшихся узаконеніяхъ. Кромѣ того, выяснилось, что нужныя дополненія разсѣяны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ края и ихъ архивамъ и находятся даже на рукахъ частныхъ лицъ.

Все это побудило кодификаціонную комиссію, при составленіи порученнаго ей свода законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, отступить отъ системы уложенія 1734 г. и принять новую, болѣе соответствующую раздѣленіямъ предметовъ.

Комиссія, составляя сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ и соединяя новыя узаконенія съ прежними, признала необходимымъ во многихъ случаяхъ не только отступать отъ принятаго въ уложеніи 1734 г. порядка, но и измѣнять редакцію, употребляя, вмѣсто устарѣвшей терминологіи, новыя выраженія, заимствованныя изъ позднѣйшихъ постановленій.

Къ 1840 г. были закончены работы комиссії по уложенію 1734 г. и приступлено къ систематизаціи узаконеній админи-

стративнаго управленія. Въ 1842 г. образованъ былъ, по просьбѣ К. І. Валлена, ревизіонный комитетъ.

Ревизіонный комитетъ работалъ подъ предсѣдательствомъ сенатора De-la-Chapelle. Въ качествѣ выдающихся спеціалистовъ привлечены были профессоръ-юристъ В. Г. Лагусъ и І. І. Нордстремъ. Наибольшій интересъ представляетъ заключеніе Лагуса. Онъ указывалъ, что не всегда платье съ чужого плеча удобно для носки, еще менѣе удобно чужое законодательство. Обычно законы получались сверху. Законъ же Швеціи основанъ на обычаяхъ народа и его нравственныхъ воззрѣніяхъ. Поэтому онъ столь популяренъ въ его средѣ; даже по языку изложенія онъ вполне примѣненъ къ народному пониманію. Лагусъ писалъ еще, что раздробленіе, или т.-н. систематизація законовъ 1734 г., явилось бы національнымъ несчастіемъ, которое лишило бы страну и народъ того закона, который былъ ихъ опорой и защитой. Лагусъ напомнилъ, что сохраненіе закона гарантировано обѣщаніемъ Государя. Законъ 1734 г., какъ результатъ законодательной дѣятельности риксдага, былъ санкціонированъ королемъ и односторонне, безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, не можетъ быть измѣненъ. Отзывъ Нордстрема—вариантъ тѣхъ же мыслей. Государственно-правовой точки онъ вовсе не коснулся.

Въ виду этого ревизіонный комитетъ просилъ Государя оставить уложеніе, какъ нѣчто особое и цѣльное, а повелѣть кодификаціонной комиссіи составить отдѣльный сводъ изъ дѣйствующихъ положеній, коими дополнялось и измѣнялось это уложеніе, сохранивъ, однако, въ новомъ сводѣ систему уложенія. Финляндцы старались доказать, что уложеніе 1834 г., разбитое на части по системѣ свода законовъ Имперіи, потеряетъ всякое значеніе, возбудитъ беспокойство въ народѣ, который привыкъ къ своему уложенію, что обычаи народа и самый языкъ—все препятствуетъ пересозданію уложенія по чужому образцу.

Дѣятельность К. І. Валлена подверглась строгому осужденію его современника—Фуругельма. Прежде всего, критикъ былъ недоволенъ тѣмъ, что К. Валленъ подалъ первый примѣръ непосредственнаго подчиненія финскихъ властей русскому министру. К. Валленъ возмущался строгой оцѣнкой, произведенной ревизіоннымъ комитетомъ, и желалъ возобновленія работъ по прежнему своему плану. Наконецъ,

К. Валлена современникъ обвиняетъ въ томъ, что онъ почти совсѣмъ не входилъ въ занятія комиссіи, соединяя чрезвычайную неосновательность съ полнымъ презрѣніемъ къ чужимъ мыслямъ и сужденіямъ. «Главнѣйшая дѣятельность какъ секретаря—говорить Фуругельмъ,—такъ и предсѣдателя, состояла въ томъ, чтобы получать хорошее вознагражденіе».

Ревизіонный комитетъ, какъ гласитъ офиціальная переписка, представилъ обширныя возраженія, направленные особенно противъ системы, по которой пытались составить сводъ законовъ для Великаго Княжества. Указывалось на то, что поселяне привыкли къ существующему расположенію предметовъ и при новомъ ихъ распредѣленіи будутъ поставлены въ непреодолимое затрудненіе. При этомъ ревизіонный комитетъ подчеркнул, что уложеніе было пожаловано Финляндіи королемъ «вслѣдствіе совѣщаній государственныхъ чиновъ», потому ни малѣйшія измѣненія въ немъ не могутъ быть произведены «безъ новаго дѣйствія власти законодательной».

Большой интересъ представляетъ секретный отвѣтъ гр. Д. Н. Блудову Генераль-Губернатора кн. А. С. Меншикова. Онъ останавливается на пользѣ кодификаціи финляндскихъ законовъ не только съ юридической точки зрѣнія, но еще болѣе съ политической, т. е. какое вліяніе она въ состояніи имѣть на общее мнѣніе въ Финляндіи. «Финляндія, въ первое время по завоеваніи, мало показывала привязанности къ Имперіи, можетъ быть отъ того, что люди, не расположенные къ новому правительству, старались внушить опасенія о зыбкомъ состояніи правъ, сему краю дарованныхъ, и въ особенности коренныхъ законовъ, которые тамъ свято чтимы и охотно исполняемы, не смотря на ихъ строгость. Но впоследствии опытъ показалъ, что опасенія тѣ были напрасны; они исчезли въ особенности въ царствованіе Государя Императора Николая Павловича, когда финляндскіе Е. В. поданные видѣли, что при всѣхъ дѣйствіяхъ правительства коренные ихъ законы оставались неприкосновенными, что сближеніе ихъ съ Россіею совершается не мѣрами понужденія, но торговыми выгодами, облегченіемъ средствъ къ вступленію въ Россійскую службу, расширеніемъ путей къ воспитанію дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи и, наконецъ, дарованіемъ преимуществъ знающимъ русскій языкъ, безъ стѣсненія симъ закон-

ныхъ правъ другихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ стали исчезать послѣдніе слѣды оппозиціи, и въ то время, когда во многихъ націяхъ и даже въ завоеванныхъ Россією областяхъ, отзывались болѣе или менѣе внушенія пропаганды, въ то самое время Финляндія, находящаяся въ близкомъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ родственныхъ и торговыхъ связяхъ съ неспокойною Швеціею, болѣе нежели когда-либо исполнена была вѣрноподданнической преданности и признательности къ Своему Государю.

«Посему въ дѣлахъ, касающихся до финляндскихъ законовъ, необходима особенная осторожность, дабы не потрясти недавно укоренившагося довѣрія и симъ не отдалить времени нравственнаго Финляндіи съ Имперіею единства, къ которому теперь она уже столь примѣрно подвинулась». Это убѣжденіе служило кн. А. С. Меншикову руководствомъ при отвѣтѣ на предложенія гр. Д. Н. Блудова. Князю стало извѣстно, что въ Финляндіи родились уже превратныя понятія на счетъ свойствъ предполагаемаго Свода Законовъ и цѣли его изданія. Осторожность князя Меншикова простирается такъ далеко, что онъ не желаетъ офиціально обязать финляндское учрежденіе доносить о ходѣ дѣла кодификаціи во Второе Отдѣленіе Канцеляріи Е. И. В., а предлагаетъ дѣлать это отъ себя, частно, въ то время, когда дѣла будутъ проходить его руки. Кн. Меншикову представляется, что передѣлывать законы уголовные совершенно невозможно «безъ потрясенія общаго довѣрія Финляндіи къ видамъ правительства». «Все это побуждаетъ меня думать, что передѣлывать теперь уголовные законы Финляндіи не только неудобно, но что эта передѣлка не имѣла бы даже ожидаемаго полезнаго вліянія на нравственность. Если же она должна быть предпринята для большаго единообразія съ російскими законами, то это одно условіе нельзя считать необходимымъ, когда достиженіе онаго сопряжено съ дѣйствіями, могущими имѣть вредное вліяніе на спокойствіе края».

Теперь, когда записки К. И. Фишера напечатаны и находя въ нихъ однородныя фразы съ приведеннымъ заявленіемъ, имѣется основаніе предположить, что отношеніе кн. Меншикова (къ Блудову) принадлежитъ перу Фишера.

Съ другой стороны, быть можетъ, не безъ вліянія оказалъся и Л. Гартманъ, такъ какъ извѣстно, что къ нему обра-

щался кн. Меншиковъ. Онъ писалъ: «Блудовъ передалъ мнѣ записки, касающіяся кодификаціи финляндскихъ законовъ; пошлю ихъ вамъ и прошу сказать ваше мнѣніе».

Работы, однако, продолжались.

Въ 1846 г., по докладу гр. Блудова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе возвратить изъ ревизіоннаго комитета всѣ проекты, относившіеся къ Своду Законовъ, и приступить къ новой работѣ по новой инструкціи.

Теперь работали только надъ дополнительнымъ сводомъ, т. е. собирали только то, чѣмъ было разновременно уложеніе измѣнено или дополнено. Одновременно съ разработкой надъ дополнительнымъ сводомъ, кодификаціонная комиссія составляла систематическій указатель къ законамъ гражданскимъ и уголовнымъ. Это обрадовало финляндцевъ.

«Провелъ я (Гротъ) часть вечера (въ январѣ 1847 г.) у Чепурнова, который обыкновенно расскажетъ мнѣ что-нибудь интересное. Такъ и нынче я услышалъ отъ него, что финляндцы благословляютъ князя Меншикова за пришедшее недавно извѣстіе, что составленіе свода финляндскихъ законовъ Высочайше повелѣно прекратить. Причины неизвѣстны». Впослѣдствіи (въ 1862 г.) профессоръ и сенаторъ Пальмень, описывая исторію кодификаціи и останавливаясь на повелѣніи Государя сохранить Уложеніе 1734 г. въ неприкосновенности, заявляетъ, что они, т. е. члены ревизіоннаго комитета, «одержали побѣду, которая будетъ по достоинству оцѣнена потомствомъ».

Комиссія К. Валлена составила также проектъ главы объ Основныхъ Законахъ. Въ проектѣ оказалось всего 34 статьи. Но изъ нихъ приходилось исключить тѣ положенія, которыя,—какъ, на примѣръ, о Наслѣдникѣ престола, вѣроисповѣданіи Царствующаго Лица и т. п.,—являлись повтореніемъ Основныхъ Законовъ Имперіи. Оставалось три-четыре постановленія спеціально финляндскихъ. К. Валленъ возбудилъ (1842 г.) вопросъ объ ихъ исключеніи изъ составляющагося свода, на что и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Около этого времени еще разъ обнаружилась рѣдкая административная робость кн. А. С. Меншикова: онъ рекомендовалъ инструкціи и наставленія, въ которыхъ видѣлъ нѣчто щекотливое для финляндскаго духа, передавать К. Валлену

не черезъ Сенатъ, а непосредственно отъ Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Во «всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Финляндіи», представленномъ Государю по случаю двадцатипятилѣтія со дня восшествія Его на престоль, значится: «Комиссія исполнила возложенный на нее трудъ, но вслѣдствіе оказавшейся, по разсмотрѣніи онаго, необходимости примѣнить его къ свойству существующихъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ системѣ, принятой при составленіи свода Законовъ Россійской Имперіи, Ваше Императорское Величество изволили указать соотвѣтственный цѣли порядокъ исполненія, на основаніи котораго теперь прежняя кодификація передѣлывается комиссіею и по пересмотрѣ оной потомъ въ особомъ ревизіонномъ комитетѣ будетъ поднесена на Высочайшее Ваше Императорскаго Величества разрѣшеніе».

Въ 1854 г. кодификаціонная комиссія собрала нужные матеріалы по измѣненію и дополненію Уложенія 1734 г.—Кромѣ того, окончень былъ сводъ административныхъ, казенныхъ и полицейскихъ постановленій. Приступили къ печатанію и разсылкѣ экземпляровъ свода и собранія по присутственнымъ мѣстамъ Вел. Княжества для провѣрки. Но за это время произошло много существенныхъ перемѣнъ, опредѣленно сказалось новое вѣяніе, и въ кружкахъ, близко стоявшихъ къ правительственнымъ учрежденіямъ, стало извѣстнымъ, что составленный сводъ не будетъ утвержденъ для руководства.

Вспоминая исторію кодификаціи, К. И. Фишеръ осмѣиваетъ и Блудова и К. Валлена. Первый въ его описаніи представляется какимъ то особенно легкомысленнымъ администраторомъ, который яко-бы позволялъ себѣ прибавлять нѣкоторыя законоположенія «для округленія главъ». Князь А. С. Меншиковъ «понесъ эту исповѣдь къ Государю, и сводъ... съѣли крысы. Единственнымъ памятникомъ этого труда осталось баронское достоинство К. Валлена».—Между тѣмъ, по словамъ другого современника—гр. Влад. Александровича Сологуба—«гр. Блудовъ былъ однимъ изъ выдающихся людей царствованій Императоровъ Александра I и Николая I; чело-вѣкъ обширнаго ума и непреклонныхъ убѣжденій, патріотъ самой высокой степени, преданный престолу, т. е. Россіи, родинѣ; онъ имѣлъ то рѣдкое въ тѣ времена преимущество

надъ современными ему сановниками, что и понималъ, и видѣлъ пользу прогресса, но прогресса постепеннаго...».

К. Валленъ, дѣйствительно, лавровъ не прибавилъ къ своей административной дѣятельности. Онъ пользовался новой должностью лишь для увеличенія своего оклада, котораго ему никогда не хватало. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ финляндскихъ «попрошаекъ», которыя постоянно испрашивали себѣ денежной милости у русскихъ властей. К. I. Валленъ обладалъ для этого особой ловкостью. Оставляя должность Выборгскаго губернатора, онъ выпросилъ болѣе 61 тыс. руб.—Вступивъ въ бракъ съ вдовою губернатора К. Шернвалля, К. I. Валленъ ухитрился сохранить ея вдовью пенсію и получалъ ее нерѣдко даже авансомъ! Финляндская казна не разъ покрывала затѣи этого аристократа по насажденію искусства въ краѣ и по его библиоманіи (*Historialinen Aikakauskirja* 1914 г. № 1).

По распоряженію Предсѣдателя Высочайше учрежденной при Государственной Канцеляріи Комиссіи для систематизаціи финляндскихъ Законовъ въ Государственной Типографіи отпечатаны.

1. Указатель узаконеній, относящихся до В. Кн. Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1808—1899. СПб. 1899.—Изданіе 2 дополненное. 1808—1902. СПб. 1903.
2. Статьи Свода Законовъ Россійской Имперіи, относящіяся до В. Кн. Финляндскаго. СПб. 1900.—Изданіе 2, дополненное. СПб. 1913.
3. Хронологическій Указатель къ Сборнику Постановленій В. Кн. Финляндскаго. 1860—1898. СПб. 1900. Продолженіе сего Указателя за 1899 и 1900 годы. СПб. 1901.
4. Церковное Уложеніе Евангелическо-Лютеранской церкви въ В. Кн. Финляндскомъ и дополнительныя къ нему узаконенія. СПб. 1900.—Изданіе 2, исправленное и дополненное. СПб. 1912.
5. Сеймовый Уставъ съ позднѣйшими его измѣненіями. Уставъ Рыцарскаго Дома и Высочайшее Постановленіе для публики, присутствующей на Сеймѣ. СПб. 1900.—Изданіе 2. СПб. 1903.—См. ниже, № 23 и 34.
6. Уголовное Уложеніе В. Кн. Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. СПб. 1900.
7. Сводъ узаконеній о печати В. Кн. Финляндскаго. СПб. 1900.
8. Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената 13 Сентября 1892 года и Высочайшее Постановленіе 23 Июля 1896 года. СПб. 1900.
9. Объ изданіяхъ узаконеній В. Кн. Финляндскаго. СПб. 1900.
10. Списки относящихся до В. Кн. Финляндскаго статей Сводовъ Военныхъ и Морскихъ Постановленій. СПб. 1900.—См. ниже, № 27 и 35.
11. Постановленія, относящіяся къ введенію финскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ В. Кн. Финляндскаго. СПб. 1900.
12. Высочайше Манифесты 5 Іюня 1808 года и 11 Декабря 1811 года и Постановленіе 31 Декабря 1811 года. СПб. 1900.
13. Постановленія 6 Февраля 1816 года и 21 Декабря 1823 года о судопроизводствѣ, соблюдаемомъ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи Россійскихъ войскъ и жителями оной. СПб. 1900.
14. Обзоръ установленій Финляндіи въ таблицахъ. СПб. 1900.—См. ниже, № 31.
15. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ В. Кн. Финляндскаго. 1809—1859. Часть I. *Författningssamling och Samling af Placater*. СПб. 1900.
16. Указатель узаконеній, относящихся до В. Кн. Финляндскаго (Швеція—Ингерманландія—Старая Финляндія). Первое Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1649—1808. СПб. 1901.
17. Хронологическій Указатель къ Постановленіямъ В. Кн. Финляндскаго. 1809—1859. Часть II. *Samling af Bref*. СПб. 1901.
18. Хронологическій Указатель къ Сборнику Постановленій В. Кн. Финляндскаго. 1860—1891. Узаконенія, имѣющіяся въ шведскомъ изданіи сего Сборника, но не внесенныя въ изданіе Сборника на русскомъ языкѣ. СПб. 1901.
19. Судостроительство и судопроизводство Финляндіи. Очерки дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ мѣстныхъ законовъ. СПб. 1901.
20. Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библиографіи, собранныя М. Бородкинымъ. СПб. 1902.—См. ниже, № 40.
21. Собраніе Постановленій Финляндскихъ. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. Томъ I. 1808—1839. №№ 1—166. СПб. 1902.—Томъ II. 1840—1849. №№ 167—421. СПб. 1903.—Томъ III. 1850—1859. №№ 422—717. СПб. 1904.—Поступило въ продажу.
22. Параллельный Русскій, Финскій и Шведскій словарь по Общему Уложенію и Постановленіямъ В. Кн. Финляндскаго. I. Словарь русско-финско-шведскій. СПб. 1905.—II. Словарь финско-русско-шведскій. СПб. 1907.—III. Словарь шведско-русско-финскій. СПб. 1906.
23. Сеймовый Уставъ, Законъ о выборахъ и Законъ, содержащій переходныя правила, вызываемыя новымъ Сеймовымъ Уставомъ и Законъ о выборахъ, данныя 7/20 Іюля 1906 года. СПб. 1906.—См. ниже, № 34.

24. Алфавитный Указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Составилъ Н. Корево. СПб. 1907—1909. Томъ первый. А—І.—Томъ второй. К—П.—Томъ третій. Р—Я.—Поступилъ въ продажу.
25. Запросы по Финляндскому Управленію. Государственная Дума. Засѣданія 1, 5 и 12 Февраля, 5, 12 и 13 Мая 1908 года. СПб. 1909.
26. Программы финляндскихъ партій: старофинской, шведской народной, младофинской, социаль-демократической, христіанскаго рабочаго союза и аграрнаго союза. СПб. 1909.
27. Статьи Свода Морскихъ Постановленій, относящіяся до В. Кн. Финляндскаго. СПб. 1909.
28. Финляндія, съ показаніемъ государственныхъ границъ Россіи и Швеціи въ разное время, и Выборгская губернія. Карты съ объяснительной къ нимъ запиской. СПб. 1909.
29. Венгерско-Хорватское соглашеніе 1868 года. Краткій историческій очеркъ и переводъ съ примѣчаніями. СПб. 1910.
30. Баронъ Вольфъ фонъ-дербъ-Остенъ-Сакенъ. Государственно-правовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ государствѣ. Диссертація на соисканіе ученой степени доктора, представленная въ факультетъ политическихъ наукъ Тюбингенскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей автора. СПб. 1910.
31. Таблицы установленій Великаго Княжества Финляндскаго. СПб. 1910.
32. Сравнительный перечень предметовъ, разрѣшаемыхъ въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства по основнымъ законамъ странъ съ центральнымъ и мѣстнымъ законодательствами. СПб. 1911.
33. Общее Уложеніе Финляндіи 1734 года съ дополнительными къ нему узаконеніями, приложеніями и указателями. Составилъ Н. Корево. Т. I. Общее Уложеніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. Т. III. Указатели. СПб. 1912.—См. ниже, № 39.
34. Сеймовый Уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго, Высочайше утвержденный 20 Юля 1906 года, съ мотивами по журналу Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія для разсмотрѣнія проекта Высочайшаго предложенія Земскимъ Чинамъ Финляндіи о новомъ Сеймовомъ Уставѣ. Съ приложеніями. Составилъ Н. Корево. СПб. 1913.—Поступилъ въ продажу.
35. Статьи Свода Военныхъ Постановленій, относящіяся до Великаго Княжества Финляндскаго. СПб. 1913.
36. Уставъ для лоцманскаго и маячнаго вѣдомства и Высочайшее Постановленіе о лоцманскомъ и маячномъ учрежденіи въ Финляндіи 9 Мая 1870 года (С. П. Ф. № 17 с. 1 и 49) съ измѣненіями и дополненіями на основаніи позднѣйшихъ узаконеній. СПб. 1913.
37. Таможенный Тарифъ Великаго Княжества Финляндскаго 22 Декабря 1886 года (С. П. Ф. № 36 с. 5) съ измѣненіями и дополненіями на основаніи позднѣйшихъ узаконеній. СПб. 1913.
38. Табель о рангахъ для Великаго Княжества Финляндскаго. СПб. 1914.
39. Общее Уложеніе Финляндіи 1734 года и дополнительные къ нему узаконенія. Продолженіе 1914 года. Составилъ Н. Корево. Печатается.
40. Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библіографіи 1902—1913 г.г. (печатается).
41. Кодификаціонные замыслы въ 1830 и 1840 годахъ (о кодификаціи финляндскихъ законовъ) докладъ проф. Э. Г. Пальмена. Переводъ съ финскаго В. С. Баранова. П. 1914.
42. Алфавитный Указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Продолженіе первое. Составилъ Н. Корево. 1905—1914. Печатается.
43. Уставъ Финляндскаго Банка, Высочайше утвержденный 19 Февраля 1895 года, съ измѣненіями и дополненіями на основаніи позднѣйшихъ узаконеній. Печатается.

